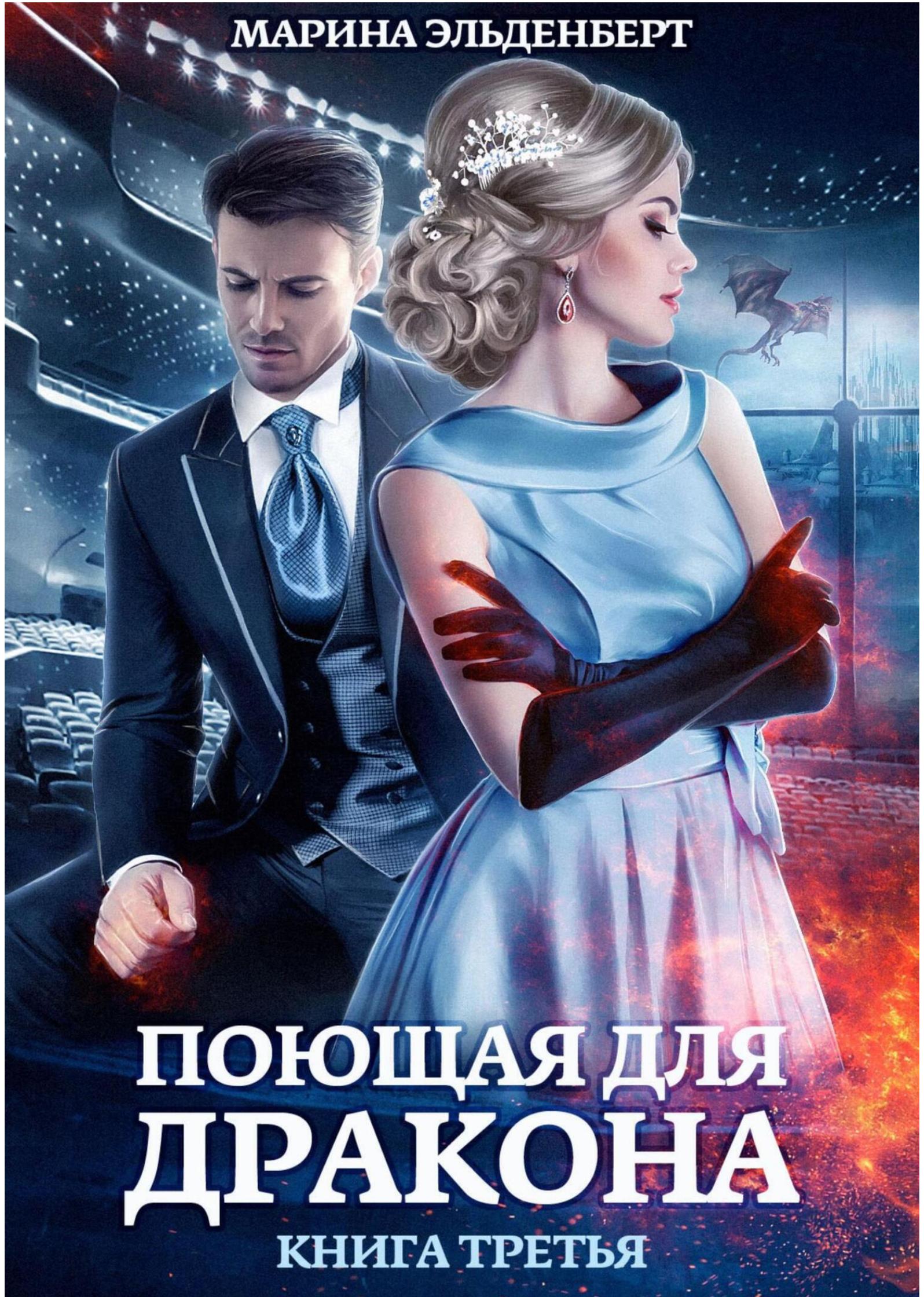

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

ПОЮЩАЯ ДЛЯ
ДРАКОНА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Огненное сердце Аронгары

Марина Эльденберт

**Поющая для дракона.
Между двух огней**

«Автор»

2023

Эльденберт М.

Поющая для дракона. Между двух огней / М. Эльденберт —
«Автор», 2023 — (Огненное сердце Аронгары)

Он считает, что я в его власти, но он ошибается. Мир иртханов не прощает слабости, а значит, мне придется научиться играть по его правилам. На его условиях. По законам, которые ближе к звериным, чем к человеческим. Чем закончится наше противостояние? Я не знаю. Знаю только, что буду петь. Даже если сердце в огне.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Эльденберт

Поющая для дракона. Между двух огней

Глава 1

– Отдай кость!

Вцепившись в большую берцовую... ну ладно, я понятия не имею, как называлась эта кость, которую Марр пытался выдрать из моих рук. Или я пыталась выдрать из пасти Марра, что по сути не имело особого значения, мы просто тягали ее туда-сюда. С переменным успехом, потому что сил во мне было не так много, а еще я постоянно зевала. Неудивительно, учитывая тот факт, что я всю ночь читала ирлланские законы и традиции – до тех пор, пока глаза не превратились в узенькие щелочки, а мозг не перестал всасывать информацию. По поводу наставничества и связавшего нас с Халлораном магического договора там ничего не нашлось, но сдаваться я не собиралась.

– Развлекаетесь?

– Рррышк!

С таким звуком добыча выскользнула из зубов Марра, когда он отвлекся на вошедшую в кухню сестру. В два прыжка преодолев расстояние до мусоросборника, я метнула кость туда и захлопнула панель, за что заслужила растерянный и немного укоризненный взгляд виара. Впрочем, сейчас меня гораздо больше интересовала Танни, а вот ее интересовал только холодильник. С равнодушным видом дернув на себя дверцу, она окинула взглядом полупустые полки и вытащила контейнер с замороженным быстрым обедом. Собственно, такие лежали в морозильной камере на случай, когда совсем нет времени, что случалось довольно часто.

– Я сейчас приготовлю, – сказала, намекая на то, что должно было вскоре превратиться в запеченное жаркое и лежало рубленой горкой на доске. Собственно, пока резала мясо, Марру удалось стянуть кость. – Поедим нормально.

– Обойдусь.

Танни сунула полуфабрикаты в микроволновку, выставила таймер и отвернулась. С таким видом, словно ее ничего не касается: от временного потепления и следа не осталось. Впрочем, возможно и не было никакого потепления, просто мне очень хотелось в это верить. О том, что придется говорить с ней про новую школу, пока старалась не думать. Сегодня я вообще старалась думать как можно меньше. Получалось с трудом. Но ведь получалось все-таки.

И вообще. Надо бы уже включить телефон.

Тишину нарушали едва слышный шум микроволновки и обиженные вздохи Марра. Чтобы разбить неловкое молчание, взялась за овощи. Хотя Лэм и говорила, что Танни лучше не трогать и как можно меньше обращать внимание на случившееся с Миком, мне было не по себе. Я то и дело поглядывала на сестру, которая сидела на барном стуле, вытянув ноги и зажимая ладони между колен. Понять, что она сейчас чувствует – невозможно. Хотя наверное, отчасти понять я могла. Едва разлепив веки, в той сладкой полудреме, когда разум еще не отделяет реальность ото сна, подумала, что мне приснился дурацкий кошмар. Но потом потянулась к шее и наткнулась на пламенеющую вязь. Пальцы словно разрядом тока прошило, сердце тут же сбилось с ритма, а весь сон как рукой сняло.

– Виу! – Марр решил заявить о себе погромче и потерся об ноги, выпрашивая мяса.

– Ай!

В умиленном состоянии виар растопыривал находящиеся под шерстью чешуйки, чтобы выглядеть еще более пушистым и милым. Может, со стороны это и было мило, зато для человеческой кожи весьма ощутимо даже через джинсы. Танни фыркнула, но тут же снова

нацепила маску полнейшего безразличия. Микроволновка запищала, и сестра вытащила контейнер, сквозь дырочки в упаковке потянулся запах горячего. Выхватив вилку из ящичка, сестра обошла Марра, и мы снова остались на кухне вдвоем.

– Виу! – заявил он.

– Ты прекрасно знаешь, что кости тебе нельзя. Это опасно.

Виар вздохнул. Покосился на мясо, но понял, что больше не перепадет (и так полкуска слопал в процессе нарезания), после чего обиженно развернулся попой, плюхнулся на пол и принялся икать, выпуская из ноздрей колечки дыма. Исклчительно от голода, видимо. Я же закончила с нарезкой, выложила овощи и мясо в большую стеклянную миску и отправила в духовку. Стоило захлопнуть дверцу, как перед глазами вспыхнуло яркое воспоминание: первый обед в квартире Рэйнара. Слишком яркое и обескураживающее, чтобы успеть закрыться.

Ну уж нет.

Подхватила телефон и отошла к окну: укутанный в снег Мэйстон по-прежнему оставался холодным, как запертый внутри огонь. Жаль, что нельзя точно так же запереть чувства, хотя бы на пару дней, пока не пройдет накатывающий раз за разом шквал, и заморозка больше не потребует. Зимнее солнце обманчиво раскаляло иглы высоток, лучи впивались в вершину Лаувайс, чтобы отразиться слепящим светом. Смотреть на нее было невозможно, даже сквозь прищур и бахрому ресниц.

Мобильный ожил от едва уловимого прикосновения.

Пока загружался, я упорно не думала о том, что увижу. Или чего не увижу.

В итоге увидела только пропущенный от Хэйда.

Агент звонил мне поздно ночью или очень рано утром. Учитывая, что сейчас перевалило за полдень, выспаться он наверняка успел. Поэтому набрала сразу.

– Что ты вчера сказала Гроу?

Судя по бодрому голосу, Хейд уже давно на ногах.

– Ты только поэтому звонил?

– Этот вопрос я задавал себе всю ночь. Вчера он начал разговор с того, что обожает женщин с характером.

Я закатила глаза.

Мелькнула странная мысль, что если бы Халлоран узнал о нашей беседе, или услышал что-то в этом роде, одним постановщиком в мире стало бы меньше. Представила их лицом к лицу, и поняла, что не знаю, как себя поведет Гроу. То есть если Вальнар в такой ситуации стремительно уменьшался бы в размерах и врал в пол, то представить напуганным Гроу не получалось вообще. Ну никак.

О чем я думаю, а?

– Сказала ему, что все переговоры веду через своего агента.

– И в этом ты права, – Хейд усмехнулся. – Я буду настаивать на коррективах по поводу оплаты репетиций. И есть еще один пункт, на котором настаивает Гроу. Собственно, о нем я и хотел поговорить.

Что-то в его голосе заставило насторожиться.

– Какой пункт? – отвернулась от окна.

– Ты должна полностью соответствовать образу Люси.

– То есть?

– Тебе придется сменить имидж, Звездочка. Он хочет видеть тебя блондинкой.

А больше он ничего не хочет?

К счастью, я удержалась от этого вопроса до того, как он слетел с языка, зато спросила другое.

– А что ты думаешь по этому поводу?

– Считаю, что это довольно спорный... но интересный ход. Публике нравятся перевоплощения, но чем ближе ты будешь к образу, который раскрываешь на сцене, тем лучше. Тем проще ассоциация.

Значит, решено. Не то это условие, чтобы идти на принцип. В конце концов, почему бы и нет. Мой родной цвет волос светлый, как у Люси. Придать ему какой-нибудь интересный оттенок, и будет замечательно. Как сказал известный фервернский стилист, Брайдерматт Торхан, все положительные перемены в жизни начинаются с нового цвета волос. Бриаль Бетрой осталась в прошлом, а Леоне Ладэ пришла пора стать собой.

– Звездочка?

– Меня это не смущает.

– Точно? – удивился агент.

– Точно, – сообщила я. – Если ты считаешь, что этот пункт необходим.

Из трубки донесся смешок.

– Я что-то не то сказала?

– Нет, просто пытаюсь понять, где же я был раньше. Женщина, которая не возражает против кардинальной перемены внешности...

Имеет на это свои причины.

Вслух я, правда, этого говорить не стала.

– Ни за что не поверю, что до меня никто не соглашался сменить цвет волос.

– Соглашались, но знала бы ты, на каких условиях и с какой нервозностью...

– Намекаешь, что я должна стрясти с Гроу денег на самого дорогого стилиста?

Хейд расхохотался.

– Для этого у тебя есть я.

Теперь уже я не сдержалась и фыркнула.

– Превосходно, – хмыкнул агент. – В таком случае осталось обсудить с ним то, о чем я уже говорил. В течение часа, максимум двух, сброшу договор. Репетиции начнутся со следующей недели.

Мы распрощались, и я прислонилась к стене, глядя на поводящего носом Марра: его все-рез взволновал аппетитный запах мяса с овощами. Перевела взгляд на дверцу духовки, где отражалась растерянная я с большими глазами. Поверить не могу – репетиции! На следующей неделе. Одно дело предварительная договоренность, совсем другое договор! Контракт, который станет пропуском на сцену Мэйстонской оперы. Последний шаг на пути к мечте, и от нее отделяет только электронная подпись. Если бы не пламенеющая на шее вязь, я бы пустилась по кухне в пляс, вместе с гулко ухающим сердцем.

Сейчас же только отложила телефон и покосилась на таймер.

Молчание Рэйнара напоминало затишье перед ураганом. Я бы сказала, ураганом гораздо более страшным, чем вчерашняя буря, укутавшая Мэйстон в белое покрывало. Надо в срочном порядке продолжать изучать права и обязанности, но пока я не выпью кофе, я ничего изучать не смогу. Пить кофе на голодный желудок тоже не лучший вариант, а обеду еще минут двадцать готовиться.

– Как думаешь, успеем мы погулять?

– Виу, – ответил Марр.

Собралась быстро, на ходу влезла в ботинки и куртку. Вжикнула молнией до подбородка, но вовремя вспомнила, что полностью воротник поднимать нельзя. Поэтому соорудила из широкого шарфа горку, которая относительно прикрывала шею и создавала подобие кокона. Надеюсь, так не загорится.

Едва открыла дверь, пританцовывающий от нетерпения Марр радостно рванул к лифтам, но тут словно на невидимую стену наткнулся и сделал стойку. Обернувшись, я увидела незна-

комца, отделившегося от стены рядом с нашей дверью. Мощного и высокого. Цепкий взгляд не позволял усомниться в роде его деятельности: служба безопасности правящего.

– Добрый день, эсса Ладэ. – Голос мужчины звучал сухо, холодно и жестко, словно вместо человека под дорогим костюмом скрывалась экспериментальная модель робота. Взгляд был точно таким же, а еще смотрел он на меня сверху вниз. Губы на миг искривились, как если бы он на спор разжевал горсть незрелых литтоновых ягод, но только на миг. Потом на лицо вернулась ледяная маска. – Меня зовут Дармин Тергран, сегодня во второй половине дня я буду вас сопровождать.

Еще до того, как он заговорил, внутри все похолодело. Если здесь этот человекоподобный шкаф с выражением лица, по эмоциям тоже не особо уступающим шкафу, то Рольген...

– Лидс Рольген...

– Лидс Рольген уволен. – Уголок его губ презрительно дернулся, словно он говорил о ком-то, кто недостойн его высочайшего внимания.

Не говоря больше ни слова, развернулась и направилась к лифтам, увлекая за собой Марра. Виар потопал следом, изредка оглядываясь на сопровождающего и дергая ушами. Умом понимала, что отделаться от безопасника не получится, но сердце ходило ходуном. Все внутри ходило ходуном, руки мелко подрагивали. Халлоран действительно уволил Лидса. За что? За то, что он помог мне?! За то, что не потащил к его ногам, как того требовало его ирхамское бесподобие?!

Понимая, что могу наделать глупостей, резко сунула мобильный в карман. Теплые гловелетты позволяли не выпускать телефон из рук даже во время прогулки, но искушение было слишком велико. Поэтому я застегнула карман на молнию и молчала. Молчала, когда безопасник шагнул за нами в кабину, и когда проследовал за мной через стоянку на улицу, на ходу набрасывая пальто.

Что это, если не конвой? Он сказал «во второй половине дня», а значит, в первой был кто-то другой. Кто-то, кто стоял под дверью, пока я спала, пока нарезала мясо и овощи, чтобы я не смогла даже выйти из квартиры одна.

И уж тем более куда-то отправиться без сопровождения.

– Вы теперь будете торчать под моими дверями круглосуточно? – спросила, чтобы подтвердить свои подозрения.

– Сегодня да.

– А завтра?

– Мы с напарником будем сопровождать вас посменно.

Что и требовалось доказать. К любому ошейнику полагается поводок.

Грудь обожгло, словно огонь каким-то чудом проснулся, но к огню это не имело ни малейшего отношения.

Чтобы не думать об этом, стремительно зашагала к парку.

Дорожки уже расчистили, а вот газоны остались под снегом. Виар ввинтился в сугроб и взмыл ввысь, распушаясь на лету. Искрящийся в ослепительных лучах снежный фонтанчик напомнил о встрече с Вэйларом. Кофе и булочки, свет фонарей, спирали которых рассыпали островки света, и удивительное, уютное тепло, несмотря на падающий снег. Если бы не общалась с ним лично, ни за что бы не поверила, что ирхан-аристократ может быть таким. В отличие от остальных, он никогда не смотрел на меня сверху вниз. Да еще и местрель назвал при первой встрече.

Забавно, что его предположение обернулось правдой.

Солнце отражалось от снега и слепило глаза. Марр радостно ускакал в сугроб, напоследок оглянувшись на сопровождение – оно вышагивало в отдалении, старательно делая вид, что не со мной. Еще и солнцезащитные очки нацепил, и обтягивающую шапочку, в результате чего стал похожим на обычного бизнесмена, который решил прогуляться после бизнес-ланча.

Смотрел он куда угодно, только не в нашу сторону, обманчиво-расслабленно сунул руки в карманы.

Идея пришла в голову неожиданно, как озарение-вспышка. От волнения даже ладони вспотели, хотя мороз был знатный.

Вот только я при всем желании не могла вспомнить, как зовут этого парня.

Драмир? Дагмар? Дарнгир?

В общем, помню, что там было много «р» и начиналось оно на «Д».

Ладно, разберемся.

– У вас какой оклад? – поинтересовалась без предисловий.

Он как-то многозначительно завис, после чего сдвинул очки на переносицу и посмотрел на меня сверху вниз.

– Вопрос без подвоха, – отмахнулась я. – Ну, примерно. Сколько ноликов после цифры? Мне чисто в практических целях, которые не имеют к вам никакого отношения.

– Я не имею права говорить о чем бы то ни было, помимо вашей безопасности, эсса Ладэ.

Понятно.

Дабы не повторилась ситуация с Лидсом, теперь охрана будет меняться. И не только меняться, говорить со мной они тоже не будут. Действительно, вдруг кто-то еще попадет под мое обаяние и нарушит приказ.

Подняла голову: зверь порхал над деревом и явно примеривался отгрызть веточку, что грозило огромным штрафом.

– Марр!

Виар обернулся и тут же спикировал ко мне. Плюхнулся на дорожку, взметнув прохладный воздух, и стремительно поскакал вперед. Я же ускорила шаг и свернула на боковую аллею. После чего вытащила телефон и набрала номер Лидса, надеясь только на то, что он ответит.

– Привет. – Голос Рольгена не был хмурым, но и веселым его было сложно назвать.

– Привет. Лидс, мне очень жаль.

– Леона, не бери в голову. Это было мое решение.

– Ты потерял работу.

– Зато сохранил дружбу, – хмыкнул он. – Мы же друзья?

– Да. – Горло почему-то запершило. Или просто голос сел, по крайней мере, когда я заговорила снова, прозвучало немножко хрипло. – Конечно.

– Ну вот и здорово.

– Мое предложение все еще в силе. По поводу кофе, – сказала, чтобы разбить нарастающий внутри лед. – И не только.

На миг в трубке повисло многозначительно молчание, которое позволило мне самой немного прийти в себя и сформулировать то, что я хочу, а главное, могу ему предложить. Предположим, Халлоран его уволил. Но это еще не значит, что он лишился работы.

– Я хочу предложить тебе работать на меня.

– Леона...

– погоди. Позволь, я договорю.

Приглашая Лидса стать моим телохранителем, я снова подставляю его под удар. Но предлагая Рольгену работу, мне вовсе необязательно ставить его на пути Халлорана или службы безопасности в лице ферна Норгхара.

– Тот урод оклемается, и вспомнит, с кем разговаривал. И кто заставил его сверкать пятой точкой. У этого парня пунктик вседозволенности и виары бойцовской породы. Ко мне он не сунется по понятной причине, но Танны... – Я сделала паузу. – Ей придется ездить в новую школу. Пока еще не представляю куда, но скорее всего, это будет достаточно далеко. Ты мог бы защищать мою сестру, Лидс. Если, конечно, ты этого хочешь.

Пауза в трубке повисла еще более многозначительная.

За это время я успела сложить пальцы колечком и досчитать до восьми.

– Значит, кофе, – вздохнул он, и у меня отлегло от сердца.

– Кофе, – подтвердила я. – Сможешь подъехать завтра в обед? Обговорим условия и составим договор.

– Договорились.

– Договорились!

Домой возвращалась в приподнятом настроении. Надо будет сегодня попытать Лэм (кажется, у ее коллеги муж работает в частном охранном агентстве) о том, сколько стоят услуги безопасника. Точнее, отличного безопасника, коим Лидс и является. Думаю, с учетом оперы я вполне смогу себе это позволить. Дело осталось за малым: сообщить Танни, что у нее теперь будет телохранитель.

М-да...

Драгмир-Дармар-Дармхор с кем-то говорил по телефону, я же вышагивала в ногу с Марром, который то и дело дергал задними лапами – подушечки хватал морозец. Теперь я не могла перестать улыбаться: то ли потому, что улыбка после ответа Рольгена не желала отступить, то ли потому что из-за разговора с ним солнце светило очень ярко. Внутри. И это солнце никак не зависело от воли и настроения местра Халлорана. По крайней мере, сейчас.

Пока поднимались на лифте, безопасник успел «расчехлиться»: снял шапочку, очки и пальто. Почему на него так глазел Марр, оставалось загадкой. Виар переминался с лапы на лапу, дергал носом, поглядывал на меня, а к новому охраннику осторожно пододвигался и задира голову, чтобы поймать взгляд. Но куда уж нам, высокопоставленным, до скромных виарых. Дыр-дыр отдернул ногу, когда его в осторожном приветствии коснулась лапа, и разве что не скривился.

Бойтся виаров, что ли?

Впрочем, мысли про Марра вылетели из головы, как только двери лифта раскрылись.

У нашей двери стоял мужчина, перекинув через руку два длинных непрозрачных чехла. В другой руке у него была коробка, которую он держал на ладони с ловкостью вышколенного официанта. И судя по всему, что-то еще оставалось в стильной черной сумке, на которой красовалась надпись: «Агентство ВИП-доставки Каэри». Курьер?! Да его язык не повернется курьером назвать – так выглядят и одеваются управляющие в дорогих отелях. Заметив, что я направляюсь к нему, мужчина расплылся в доброжелательной улыбке:

– Добрый день! Эсса Лад...

Я одернула Марра, ткнувшегося носом ему в бедро.

– Простите. Добрый день.

– Вам доставка. Два платья, от «Ферначьери» и «Гармо». Комплект драгоценностей от «Ламкар». И купальные костюмы от «Маррахью Файнтер».

С минуту я хлопала глазами в надежде, что ослышалась.

Потом открыла дверь, пропуская мужчину вперед и придерживая виара.

– Гуляй, чудовище.

Чудовище радостно убежало в сторону кухни, а курьер вздохнул с облегчением. Особенно когда я взяла у него коробку и положила на полочку. От меня не укрылось, что безопасник отступил – помогать, судя по всему, не собирался. По всей видимости, в его служебные обязанности это не входило.

Мужчина устроил оба чехла на вешалках, кивнул:

– Проверять будете?

Покачала головой.

Из сумки вынырнул футляр со знакомым логотипом, которая перекочевала ко мне в руки. Курьер вытащил планшет, открыл бланк заказа.

– Пожалуйста, распишитесь.

Не глядя, черкнула роспись.

– Минуту.

Вытащила карточку и провела над планшетом.

– Спасибо.

– Благодарю. Хорошего дня, эсса Ладэ. – Мужчина вежливо улыбнулся и скрылся за дверью.

Не нужно было даже заглядывать в прикрепленную к коробке карточку, чтобы понять, от кого подарок. Да и вообще не нужно было туда заглядывать, но я все-таки заглянула, чтобы увидеть одно-единственное слово: «Моей».

Внутри полыхнуло так, что никакой огонь не нужен.

Желание порезать наряды на тряпочки и отправить в Лаувайс с тем же курьером боролось с женским любопытством. Победило второе, после чего я расстегнула первый футляр. Роскошное платье алого цвета с открытой спиной и тончайшим кружевом. Второе оказалось темно-синее, к нему прилагались черные перчатки. Оба длинные, в пол. Камни украшений пламенели на кремовом бархате в оковах белого золота. Купальники – один открытый, цвета снега под солнцем и другой, черный с серебром, соединяющий лиф и трусики тонкой полоской вдоль живота наверняка стояли целое состояние.

Я смотрела на свалившееся на меня богатство, прикидывая, не скормить ли его Марру прямо здесь.

Как бы там ни было, такие подарки в высшем обществе не принято оставлять без внимания. Поэтому я набрала номер.

Халлоран ответил спустя пару гудков, слишком быстро для вечно занятого правящего. Голос его звучал спокойно и отстраненно, словно вчера ровным счетом ничего не случилось:

– Слушаю, Леона.

Сердце обиженно тюкнулось о ребра. Ну а чего я ждала, собственно? Извинений? Завещаний в том, что это какая-то ошибка?

– Считаешь, что я пойду с тобой в оперу? – поинтересовалась в тон ему.

– Уверен.

Странно, что иней по трубке не побежал. Зато лицо полыхнуло жаром, словно изнутри прорывался огонь. Подавила желание потерять горящую таэрран, потому что сейчас он обжигал не пламенем, а льдом. Сердце превратилось в мячик и скакало в груди, мне почему-то невыносимо хотелось зажмуриться. Хотя говорили мы не по видеосвязи, перед глазами стояло жесткое лицо: сдвинутые брови и вертикальный разрез в алом пламени.

– Я не поеду в Зингсприд, – сказала неестественно спокойно.

То ли потому, что дыхание перехватило. То ли потому, что понимала, что если сейчас позволю себе чувствовать, остановиться уже не смогу. Скажу ему, что свою уверенность он может засунуть себе в... ведро. А после нацепить верх от купальника на голову, кольцо – на причинное место, и в таком виде явиться в оперу или на Зингспридское побережье. Но с ним нужно говорить на его языке, и никак иначе.

– Потому что не могу оставить сестру.

Того немногого, что я прочитала, сейчас оказалось достаточно.

– По закону никто не имеет права приказать иртхану оставить дом, если кто-то из членов его семьи беззащитен в его отсутствие или переживает сложный период в своей жизни.

Молчание растянулось секунды на две и вполне могло бы сойти за замешательство. Если бы я не знала, кто на другом конце провода, и если бы не холодное резкое:

– Значит, возьмешь ее с собой.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

– Что значит – возьмешь?! Она тебе что, чемодан без ручки? Танни только что...

– Приказ правящего, Леона. – Рычащие нотки напомнили о затаившемся в ущелье разъяренном драконе. Еще недавно в его голосе скользил холод, то теперь он раскалился докрасна. – Судя по твоей осведомленности, ты прекрасно понимаешь, что это значит.

О да. Это я тоже теперь понимала.

Приказ правящего – не то, что подлежит обсуждению. Разумеется, если он не несет в себе «непосредственной угрозы здоровью исполнителя и не причиняет вреда окружающим, за исключением пунктов, оговоренных далее». За нарушение полагается наказание на усмотрение ирлхана, приказа которого ты ослушался. Предположим, таэрран мне уже не страшна, но помимо нее есть еще такие наказания, как домашний арест и прекращение профессиональной деятельности на неопределенный срок. Мысль про роль Люси, которую я вот-вот получу, была обжигающей. Сердце подскочило до подбородка и забилося там.

– Понимаю, – вытолкнула я.

– Замечательно. Перезвони моему секретарю и сообщи все, что необходимо для бронирования отдельного номера. До встречи в пятницу.

Короткий щелчок разомкнул что-то в сердце. Не выпуская телефона из рук, отправилась на кухню и втянула себя на барный стул. Марр кружил у ног с намеками, что надо бы поесть, но я смотрела только на потемневший дисплей. В том, что по щелчку пальцев Халлорана меня не выкинут из постановки, я не сомневалась, ведь есть же контракт, но... Контракт – это законы человеческие. По законам ирлханов (из того, что мне удалось прочесть), он действительно может запретить мне выступать, и я не смогу ничего сделать. Именно потому, что я на его территории. Потому что я наполовину ирлханесса и в его власти. Потому что звериные законы действовали на протяжении тысячелетий, и в наше время ничего не изменилось.

Точнее, не менялось.

Сейчас самое время начать.

Глава 2

– Чудесно выглядишь, – сообщил Айн и отступил, чтобы полюбоваться делом рук своих. Ну и магии современных технологий, разумеется.

Раньше для смены цвета волос требовалось просиживать в салонах часа три-четыре. Колорист рассказывал об этом, когда мы только познакомились. Сам он эти времена уже не застал, но вот его отец, который тоже работал в сфере красоты, как раз много рассказывал о старых методах окрашивания и о том, как сильно они портили волосы. Зато сейчас на такую длину требовалось пятнадцать минут для сведения цвета (в специальной колористической капсуле), столько же для нанесения нового оттенка, после чего на откуп мастера оставались процедуры ухода и восстановления. Последнее, честно говоря, относилось больше к спа-направлению, потому что окрашивание в наше время волосам почти не вредит.

Я смотрела в зеркало, пытаюсь привыкнуть к новой себе. Это было по меньшей мере необычно. Собранный из нескольких платиновый оттенок на родной цвет лег идеально, сейчас даже странным казалось, что я не выбрала его раньше, когда задумалась о сценическом образе. Черты лица стали более мягкими, и, почему-то мне так показалось, более тонкими. А еще самую чуточку прохладными.

Действительно необычно, но мне нравилось.

– Спасибо, – искренне сказала я. – Особенно за то, что нашел время так быстро.

– Брось, – он ослепительно улыбнулся. – Ради тебя я всегда свободен. Почти всегда.

На самом деле мне просто повезло, особенно учитывая сколько у него клиентов. Я позволила Айну вчера, и он пригласил меня на сегодня на раннее утро. По-хорошему, смена образа по контракту ждала еще пару недель – с того момента, как меня официально представят прессе как Люси, но я решила не затягивать. Одной из причин стали присланные мне платья, которые вместе с купальниками и драгоценностями отправились в благотворительный фонд местры Халлоран. Надеюсь, там найдут достойное применение щедрым дарам ее сына.

– И с татушкой клево смотрится, – подвел итог стилист.

Похоже, пора привыкать к тому, что таэрран называют татушкой – это было первое, на что колорист обратил внимание и сказал в точности то же, что и Танни. К счастью, Лэм сегодня была во вторую смену, случись нам пересечься, ей бы я точно соврать не смогла. Как бы там ни было, именно из-за таэрран мы выбрали прохладный оттенок, который сочетался с алой вязью не меньше, чем темные волосы. О магической наказательной росписи я вчера читала весь вечер, пытаюсь понять, что же она из себя представляет, и с каким отношением я столкнусь в Зингсприде. В мире иртханов таэрран начинали надевать на детей со дня первых признаков пробуждения силы, за проступки и неповиновение.

Варварская традиция истоками уходила ко временам Погасших костров. В те века многие иртханы безнаказанно пользовались своей силой на людях и на более слабых иртханах. Это привело к первому серьезному и кровопролитному восстанию против их власти. Восстание было подавлено, а запирающую роспись-заклинание впервые воссоздал и применил на своих подчиненных правитель Огненных земель – так тогда называлась территория Аронгары. Из-за колоссальных залежей золота в горных породах и постоянных пожаров. Последние случались по вине смельчаков, пытающихся это золото извлечь, потревожив обитателей пустошей и гор.

Вначале таэрран пытались наносить даже на драконов, усиливая кровью последних, чтобы те не могли жечь поселения. Заканчивалось это в большинстве случаев печально: попытки усмирить силу зверя под таэрран неизменно приводили к гибели дракона, а это провоцировало налеты. В конечном итоге опыты с таэрран и драконами оставили, зато на провинившихся иртханов надевали без малейших проволок. Избавить от нее мог только тот, кто

наносил (в каждое плетение добавлялась частичка личного огня иртыхана, как клеймо или роспись), и только в самом крайнем случае.

Впоследствии иртыханы признали таэрран как меру пресечения не только злоупотребления магией, но и за любые провинности. Таэрран бывает разная по силе, от одного дня до нескольких лет. Самую серьезную нанесли правящему, допустившему налет – до конца жизни. Гаррмаланх Хаатхар Эаррн оставил город под угрозой разъяренных драконов, чтобы спасти свою жену, которую похитили его недруги. Произошло это четыре столетия назад.

– А ну, покрутись! – потребовал Айн, вырывая меня из размышлений.

Я покрутилась. Волосы взметнулись за спиной и объемным шелком легли на плечи. После того, как ко мне вернулся светлый цвет, объема почему-то стало больше.

– Ну, что я говорил? Шик!

Пепельную шевелюру колориста украшали черные «штрихи». В сочетании с его темными глазами и белой кожей смотрелось на удивление стильно. Хотя сейчас, рядом, мы вообще выглядели гармонично, как модели перед показом.

– Так... – сообщил он, ткнув в стенд, где стояло бесчисленное множество средств для волос. – Пока не забыл. Оттеночные средства для поддержания цвета «Латрикс». И еще шелк для светлых волос. Рекомендую. Особенно рекомендую оттеночные, потому что с твоим натуральным ты сможешь бывать у меня в два раза реже. Это, несомненно меня печалит, но...

Фыркнула.

– Подбери мне что-нибудь, Айн. На свое усмотрение.

– Договорились. Соберу самое необходимое и передам Ирни.

Зная его, можно было представить, что самое необходимое поместится в большой пакет. В очень большой пакет.

Распроставшись, я вышла в коридор, чтобы наткнуться на ледяной взгляд безопасника. Сегодня меня сопровождал другой мужчина, но он не потрудился даже представиться.

Валентен снова молчал: от дружелюбной обстановки, которая царила в присутствии Лидса, не осталось и следа. Впрочем, сейчас у меня все мысли были заняты сестрой. Разговор с ней я отложила, потому что запалу после общения с Халлораном мог позавидовать оголенный провод под напряжением. Рассудив, что нам с Танни сейчас лишние эмоции ни к чему, решила немного остыть и подумать. Тем более я пока не решила с какой новости начать: с поездки в Зингсприд или с телохранителя.

Или с новой школы.

Броджек прислала все необходимые документы, кроме выплаты по неустойке, объяснив это тем, что я забираю сестру по своей воле. В ответ я написала, что если она хочет решать вопрос через юриста, это вполне можно устроить. С тех пор ответа так и не получила, но разбираться с директрисой пока не было времени. Вчера я занималась контрактом, законами, а заодно пообщалась с секретарем Халлорана.

То есть сообщила «все, что необходимо для бронирования отдельного номера».

Для себя и для Танни.

Приказ ведь подразумевал, что я должна сопровождать его в оперу. Но это вовсе не значит, что я буду сопровождать его в номер.

С приказами правящих вообще все было «чудесно». То есть фактически, любой иртыхан, проживающий в Мэйстоне, безоговорочно подчинялся местру Халлорану. Там был еще свод с иерархией и воинскими рангами, но в него я закапываться не стала. Все равно вальцгардом мне стать не грозит. К счастью. Что касается гражданских, подчиняться и контролировать эмоции иртыханы учились с самого детства, читай в семье. Преимущественно, из-за силы и звериной сути. Которая пробуждалась пусть и поздно, вместе со стихией, но могла сыграть злую шутку, если не уметь с ней справляться.

Приказ правящего считался неправомерным в следующих случаях (это я запомнила буквально по пунктам):

1. Если он несет угрозу жизни или здоровью исполнителя.
2. Если исполнитель не способен выполнить условие приказа по ряду объективных причин, включая недостаточный уровень магии или физические недуги.
3. Если он идет вразрез с нормами морали современного общества.
4. Если он содержит принуждение к физическому контакту.

Судя по тому, как подробно был расписан раздел «Злоупотребление властью» и соответствующие меры пресечения, такое случалось не раз и не два. Наказания там тоже полагались соответствующие, начиная от таэрран и заканчивая смещением с должности и экстренными перевыборами. Как бы мне ни хотелось найти лазейку, ее не было. Даже в том, что касалось Танни – во время путешествия в Зингсприд Халлоран обеспечивал мою сестру не только надлежащим уровнем защиты, но и сменой обстановки, которая, по сути, сейчас пришлась бы ей как нельзя кстати.

По-хорошему, и мне самой не помешало бы отдохнуть, особенно учитывая, что репетиции предстояли насыщенными. Премьеру назначена в первых числах после Смены Времен, а значит, репетировать будем с утра до ночи. Из сопроводительного письма Хейда я поняла, что скоро уже начнется рекламная кампания. Поскольку таэрран на мне будет целый месяц, в таком виде я и предстану перед прессой во время презентации. В таком виде меня увидит весь Мэйстон, поэтому... остается только носить его с честью. С первого до последнего дня. И наплевать, кто и как будет на меня смотреть.

С этой мыслью я шагнула в холл, размотала шарф и уже совсем спокойно посмотрела на «татушку». Осталось только подобрать наряды и украшения для выхода. Хотя к таэрран обычные украшения не пойдут, придется импровизировать. Потрепала крутящегося у ног Марра по голове, улыбнулась. Вывернулась из куртки и замерла: одежды сестры на вешалке не оказалось. – Танни?

В последние пару дней после прогулки с Марром она умудрялась подняться к себе даже в ботинках, не говоря уже о том, чтобы толком раздеться. Но почему так тихо? Не считая пыхтения виара, не доносилось ни звука. Не было даже привычных взрывающих мозги басов и вопящих под них рок-гитаристов. Надрывающих голоса так, что мне самой становилось больно.

Поднялась по лестнице, толкнула дверь. Сестры в комнате не обнаружилось, зато обнаружился бардак: такое ощущение, что после уборки Мэлз прошел целый месяц. На полу валялись разбросанные вещи, щедро сдобренные фантиками и палочками от леденцов. Поднос с пластиковой посудой, в которой застывали остатки еды, упаковка из-под гамбургера и вскрытая банка шипучки. Взгляд зацепился за магнитную шайбочку, валявшуюся на кровати в гнезде кислотно-сиреневой пижамы с дракончиками. Обычно Танни оставляла на ней сообщения, если не хотела меня будить после ночного выступления в Ландстор-Холл.

Сжала в руке и услышала:

«Я знаю, что ты мне не сестра».

Миг – и меня бросило в холодный пот. Пальцы противно затряслись, шайбочка выскользнула и закатилась под кровать. Я бросилась к вещевому шкафу, и дверь отъехала в сторону: часть вещей пропала. Походный рюкзак Танни, который она таскала с собой на пикники с Имери и друзьями, тоже.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, набрала ее номер, чтобы наткнуться на автоответчик.

«Если вы слышите эти слова, я либо сдохла, либо сижу на уроке эссе Руйкер. Неизвестно что хуже. В общем, говорите все, что хотели».

Не дожидаясь сигнала, нажала отбой.

Как? Как она могла узнать?..

Так, это сейчас не главное. Главное найти ее до того, как...

До того, как – что?

Куда могла пойти Танни, если ей плохо? Раньше поехала бы к Имери, но с Имери они серьезно поругались. К отцу она теперь на расстояние драконьего дыхания не подойдет, а значит... значит, остается только одно место, куда она могла поехать.

Из квартиры вылетела, на ходу заворачиваясь в куртку.

Дежуривший на стоянке Валентен тут же выскочил из машины, чтобы подать мне руку, но я отмахнулась.

– Двадцать третий остров.

Собственно, островом он назывался чисто символически, потому что плавно перетекал в пустоши. Дом, где мы жили в прошлом, сейчас со всех сторон сдавили новостройки. В основном, небогатых торговых компаний, выстроивших складские клетушки зданий повсюду, из-за чего ночью здесь, наверное, стало еще страшнее ходить. Наш район всегда был не особо благополучным, но в моем детстве здания еще не боролись за каждый клочок земли, а тонкие воротнички переулков были гораздо шире.

Валентен с трудом выбрал место, где посадить флайс. Собственно, и парковок здесь было наперечет. Жители двадцать третьего в большинстве своем не могут похвастаться личным транспортом. Стоило припарковаться на свободной зоне, на нас тут же начали коситься трое здоровенных парней в потертых куртках. Косились ровно до того момента, как из флайса вышло мое сопровождение, после чего они мигом утратили интерес и к машине, и ко мне.

Выскочив прямо в грязное месиво, в которое превратился посыпанный какой-то химией снег, я бросилась к бывшему дому.

Когда мы только-только переехали, у Танни был не самый легкий период.

Расставание с Имери и друзьями, перевод в новую школу. Как-то мы очень сильно поцарапались, после чего она убежала сюда. Села на спинку скамейки и часа три глядела в окна квартиры, в которой прошло наше детство. А потом приехала домой и рассказала, что от нашего двора остались одни воспоминания. Тогда мы обнялись и пообещали друг другу, что больше никогда не будем ссориться.

Потому что мы сестры, и мы есть друг у друга.

Вот только сегодня Танни здесь не оказалось, а сваленный в кучи снег полностью закрыл скамейку.

– Что мы здесь делаем? – подал голос безопасник.

И меня прошило воспоминанием. Коротким, но отчаянно острым, как игла ледяного дыхания.

«Что мы здесь делаем?» – спрашиваю я.

«Маму ждем», – Танни потирает замерзшие руки: в подземке сыро, даже когда от раскаленного асфальта становится трудно дышать. Она еще совсем маленькая, хвостики одного цвета торчат в разные стороны. Один повис, потому что съехала резинка.

«Мама больше не придет, Танни», – говорю я. И на глаза наворачиваются слезы, поэтому приходится запрокинуть голову и смотреть в высокий, с наспех замазанными трещинами потолок станции. Недолго, ровно столько, чтобы проморгаться.

Опускаю голову, протягиваю сестре руку, чтобы увести, но она упрямо качает головой.

«Еще пять минуточек. Пока поезд не приехал, я могу ждать».

И высматривает грохочущий в глубине тоннеля поезд, на котором мама обычно возвращалась со смены.

Мы ждали ее по утрам, когда она работала в ночную смену, и по вечерам, когда в дневную. Эстерд Барт с нами не ходил, потому что уставал на работе, а сотрудники подземки уже узнавали нас в лицо и пропускали без оплаты, чтобы мы не тратили лишние жетоны.

Мы ждали ее вместе.

В то утро тоже. А потом вместе поднялись наверх и больше не встречали поезда. Когда я очнулась, безопасник смотрел на меня так, словно я тронулась умом.

Может и тронулась, потому что припустила в сторону подземки, поскользываясь и рискуя грохнуться прямо в грязь. Собственно, бежать здесь было недалеко, сразу за поворотом – вход. Станции подземок натканы гораздо реже, чем остановки аэроэкспрессов, и протянуты между центром и бедными районами. Это единственный способ передвижения для мэйстонцев, которые не могут оплатить абонемент полета.

Дыхание перехватывало, когда я летела по потрескавшимся ступенькам в потеках. Не знаю, что буду делать, если ее там не окажется.

Не знаю, но...

Я сунула карту в терминал и поймала выскочивший в ладонь жетон. В ушах грохотал пульс, за спиной – шаги безопасника. Что он там будет делать, меня волновало мало: сожравший жетон турникет моргнул, раздвинув скрипучие железные лапы. По ступенькам эскалатора приходилось обегать пассажиров. Кто-то толкался, кто-то ругался, когда я задевала локтем или ногой, но только выбежав на станцию, остановилась. Грудь жгло, пришлось опереться руками о колени, чтобы перевести дух.

Обычно мы сидели в самом начале: под корявым граффити, которое перекрывала пошлая надпись. Сейчас от надписи ничего не осталось, граффити тоже затерли, но...

Танни сидела на скамейке, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом.

Разноцветные пряди расплескались по капюшону, между коленями зажат рюкзак.

Я на миг замерла, не веря своим глазам.

А потом бросилась к ней.

– Танни.

Мой голос звучал удивительно ровно, как будто сердце не сбивалось с ритма все это время.

Сестра вздрогнула и подняла голову. Недоверчиво посмотрела на меня и нахмурилась:

– Я не вернусь домой.

Вместо ответа я опустилась рядом с ней. На холодное металлическое сиденье, серая краска с которого частично облупилась и кое-где проступала ржавчина. Надо отдать должное безопаснику, он приближаться не стал, застыл в паре метров от нас, у стены. Заметив сопровождающего, Танни уставилась себе под ноги, на побитую плитку, узор которой давно перестал быть связным. Вцепилась в рюкзак, словно я собиралась его отнять или волоком тащить вместе с ней к выходу из подземки. Пальцы ее побелели, но она упорно смотрела в одну точку, как если бы меня не было рядом. А я пыталась подобрать слова. Слова, которых было слишком много, но которых сейчас не хватало. Наверное, потому что чувства сложно передать словами, а если получается легко, то это уже не чувства.

– Я сама недавно узнала, – произнесла тихо, но твердо. – И это оказалось... слишком. Я не знала, как тебе сказать.

Да что там, и сейчас не знаю.

– У папаши таких проблем не возникло, – фыркнула сестра, не отрывая взгляда от плитки.

Диран?!

Хотя чему я удивляюсь. После его поступка в школе и нашего разговора...

– Не возникло, потому что ему все равно. Но мне не все равно, Танни.

– Неужели? – Она упрямо не поднимала глаз. – С чего бы?

– Потому что для меня важна ты. Твои чувства. Потому что я боялась тебя ранить, понимаешь?

– Броджек позвонила ему и сказала, что ты срываешь меня посреди года, и что он должен на тебя повлиять. – Сестра принялась колупать значок с героем комиксов, которыми увле-

калась несколько лет назад. От увлечения остался только значок, подарок Имери. – Судя по всему, повлиять на тебя он зассал, поэтому позвонил мне. А я сдуру ответила. Потому что так и не сохранила его мобильный в контактах. Говорил, что я должна остаться в школе, потому что у тебя совсем другие приоритеты. И что тебе плевать, даже если я стану драить квартиры богатеньких.

Ну разумеется. А он с радостью воспользовался растерянностью девчонки, чтобы вывалить на нее новость, которую мама просила его сохранить в тайне. Я мысленно пожелала отчиму добровольно сигануть в налий для аккумуляторов. Может, переплавится во что-то более дельное. Хотя вряд ли. Если из него до сих пор ничего дельного не получилось, уже не получится.

– И ты поверила?

– Поверила, потому что... – Танни вскинула голову. – Ты ведь одна из них, Леа? Поэтому ты встречаешься с правящим.

Ну что за...

– А об этом ты как догадалась?

– Как-как... Иртханы не встречаются с людьми. Я имею в виду, не сопровождают их до дома, и вообще. Просто раньше я думала, что дело в твоём папаше.

М-да. Сестра у меня, оказывается, очень наблюдательная.

– Для меня это ничего не меняет.

– Уверена? – Она усмехнулась. – Ты действительно хочешь, чтобы я жила с тобой? Просто человек, рядом с такой, как ты?

Загрохотал поезд, принося с собой порыв затхлой сырости из тоннеля.

– Мама всегда выходила из последней двери последнего вагона, – сказала я, чтобы разорвать молчание. – Прямо напротив нас.

Сестра неверяще взглянула на меня:

– Ты так поняла, где меня искать?

Кивнула.

– А что ты помнишь еще?

Ее слова слились с грохотом синхронно раскрывшихся дверей и шумом устремившихся на станцию и в вагоны людских потоков.

– Многое. Помню, как мы ходили выбирать подарок на ее день рождения, и ты расстроилась, потому что наших карманных денег за полгода не хватило на сумочку, которая нам понравилась.

– Поэтому мы купили шляпку, – фыркнула Танни.

Мама носила эту шляпку, хотя к тому времени они уже выходили из моды, и у нее не было решительно ни одного подходящего под нее платья. Носила, пока края у шляпки не стерлись, но даже тогда она ее не выкинула.

– Она стояла ровно столько, что еще осталось на замороженный крем в стаканчике. И ты жаловалась, что я ем быстрее, поэтому тебе достанется меньше.

– Ты действительно ела быстрее, – хмыкнула сестра и обхватила себя руками.

– Мама больше не придет, Танни, – повторила свои же слова, не позволяя ей снова закрыться, – но я здесь. Я приду всегда. Я всегда буду на твоей стороне, что бы ни случилось. Потому что я твоя сестра, и это тоже навсегда.

Танни моргнула. Фиолетовые глаза, один в один мамины, стали еще больше, а потом губы у нее задрожали. Она поспешно отвернулась. Пожалуй, слишком поспешно: рюкзак с глухим стуком свалился на пол. Сестра потянулась, чтобы его поднять, под дрожащими ресницами сверкнули непролитые слезы.

– Эй, – прошептала тихо. – Я люблю тебя.

А потом мягко притянула ее к себе, позволяя уткнуться лицом в куртку и глядя поверх растрепанных разноцветных прядей на растекающиеся по станции перекрестные реки людей. Танни плакала мне в плечо: тихо, вздрагивая всем телом, я же все крепче сжимала ее в объятиях, осторожно гладила по голове. Почему никто не говорил, что быть ир்தханессой – это чувствовать так... проникновенно. Яростно. До глубины сердца, до сбивающегося дыхания.

Будь то отчаяние или...

Нежность, переходящая в светлую радость.

– Хорошо, – прошептала во вздрагивающую макушку. – Все будет хорошо.

Так мы и сидели, позабыв обо всем. До тех пор, пока тихие всхлипы не сошли на нет, а с противоположной стороны не загрохотал очередной поезд.

– Леа... – Танни икнула и судорожно выдохнула мне в шарф.

Осторожно отстранилась, словно смутилась минутной слабости.

– Что?

Она подняла глаза, поспешно вытирая их рукавами.

– Это ведь ты заставила Мика скакать без штанов?

Разумеется, ей уже донесли, что Мик припустил по стадиону именно после нашего разговора. Глупо было надеяться, что она не узнает: даже несмотря на то, что Танни почти не общалась с одноклассниками, эта история наверняка вызвала ажиотаж. Ну и пусть. Несмотря на то, что благодаря случившемуся я обзавелась таэрран, ни на минуту не пожалела о содеянном. Даже сейчас. Пусть Лодингер на своей шкуре испытает всю прелесть высокого статуса голозадый скакун.

– Да, – призналась честно.

– Как? – Глаза ее по-прежнему блестели, но теперь уже не только от слез. – Ты что-то ему сказала, или...

Ну все, если в ход вступило здоровое подростковое любопытство, значит, можно спокойно выдохнуть. Хотя бы на время.

– Или.

Танни закусила губу, взволнованно глядя на меня:

– Ты... то есть все это время... слушай, а что ты вообще умеешь?

Так, а вот это лишнее.

– Поговорим об этом позже.

Сестра разочарованно вздохнула:

– Позже так позже. А что мы будем делать сейчас?

– Поедем домой и выберем тебе новую школу.

Танни фыркнула и закатила глаза.

– Почему я не сомневалась, что этот вопрос не заставит себя ждать?

– А вечером выберемся в торговый центр за купальниками. Как ты смотришь на то, чтобы устроить себе небольшие каникулы?

Решила закрыть тему сразу, пока сестра не успела опомниться.

– Каникулы?

– Да. Пару денечков отдыха на Зингспридском побережье нам не помешают.

Глаза ее загорелись.

– Зингсприд?! – Танни вскочила так резко, что я едва успела подхватить рюкзак, чтобы он снова не кувыркнулся. – Погоди-ка... Ты едешь знакомиться с семьей?

Вот теперь икнулось мне.

– С чего бы?

– Ты ведь знаешь, кто твои родители? Или ты уже с ними встречалась?

– Нет.

– Но...

– Моя семья не особо жаждет меня видеть.

Сама не знаю, зачем это сказала. Не собиралась ведь, слова просто вырвались сами. И я рассказала ей все, начиная со вспышки на юбилее и заканчивая тем, что удалось узнать в Рагране. Рассказала, избегая подробностей, с упором на свое происхождение, а не на магию. О том, что в прошлом моя настоящая мама вынуждена была бежать в другую страну, о том, что вся ее жизнь по чьей-то милости утрачена безвозвратно, и что нужно проводить расследование, чтобы выяснить, кто я на самом деле. Танни слушала, не перебивая, слезы высохли окончательно. Странно, но говорить об этом с сестрой было легко. Я словно чувствовала, как трескается панцирь напряжения. Трескается и осыпается шелухой.

Даже удивительно, как легко и спокойно стало на душе после этого разговора.

Впервые за все время после ужина в Скай Стрим.

– Вот же наблы, – подвела итог Танни, когда я замолчала. – Не переживай, Рэйнар точно их найдет.

Мне икнулось второй раз.

Говорить о Рэйнаре я сейчас точно была не готова, равно как и о том, что поисками родителей теперь намерена заняться сама. Поэтому поспешно поднялась.

– Поехали домой.

Танни взяла у меня рюкзак, и мы направились к эскалатору.

– А он что, постоянно за тобой таскается? – Сестра кивнула на сопровождение.

– Это временно.

– Потому что ты с Рэйнаром, и у вас все серьезно?

– Танни!

– Ладно, молчу.

Молчала она недолго, до выхода из подземки.

– А ты уже видела драконов?

– Видела.

Танни задохнулась.

– Серьезно?! Страшно было?

Страшно?.. Ну, если вспомнить пустоши, наверное. Хотя сейчас, с высоты всего, что узнала, я бы не назвала страхом то, что испытала в тот вечер. Не говоря уже о чувствах, которые вызывал ковыляющий по полигону драконенок, переваливающийся с лапы на лапу. Или дракон, который смотрел мне в самое сердце, когда наши сердца бились в унисон. Когда пламя текло от меня к нему и обратно.

– Нет, – покачала головой.

– Нет?!

– Разве что немного. Драконы очень красивые.

– И ты не боялась, что тебя могут спалить? Ничутьки?

– Драконы не нападают без причины.

– Совсем? Никогда?!

Покачала головой.

– Никогда.

– А...

– Танни, на сегодня достаточно.

Надо четко оговорить с сестрой, о чем можно говорить, а о чем нет. По идее, приближенные к иртвахам люди в курсе многих нюансов, в том числе и магии, но все они подписывают бессрочные контракты о неразглашении. Неустойки и методы пресечения за длинный язык по ним драконовские. Буквально. Неудивительно, что в мир людей просачиваются самые крохи – те, что иртвахи считают незначительным. Разумеется, Танни никакой контракт подписывать не будет, но серьезно поговорить на тему конфиденциальности все равно придется.

– Очешуешь! Личный водитель. Привет!

Танни помахала Валентену, плюхнулась на заднее сиденье флайса и первым делом откинула крышку портативного визора.

– Включу, ты же не против?

Ответить не успела, потому что главный канал Мэйстона явил нам местрель Стоунвилл во всей своей неповторимой идеальности. На сей раз она принимала мэйстонского репортера в резиденции отца во Флангстоне, о чем гласила бегущая строка. Надо отдать должное, резиденция была зашибись, но судя по отведенному на передачу времени, попали мы на самый конец трансляции.

– ... счастливы, что вы возвращаетесь. С чем был связан столь скорый отъезд? Если мой вопрос уместен, разумеется.

– Разумеется, – Ирргалия ослепительно улыбнулась. – Это было небольшое семейное недоразумение, которое, к моему счастью, недавно благополучно разрешилось.

– Это кто? – поинтересовалась Танни.

То ли выражение лица у меня было чересчур говорящее.

То ли челюсть неудержимо стремилась вниз.

Небольшое? Семейное? Недоразумение?

Благополучно разрешилось?!

– Что ж, взаимно рад, – репортер расплылся в улыбке. – Что бы вы хотели сказать мэйстонцам, которые с замиранием сердца ждут вашего возвращения?

Местрель Стоунвилл посмотрела в камеру своими пронзительно-сиреневыми глазами.

– Я жду встречи с вашим гостеприимным городом и со всеми вами. И искренне счастлива, что в самом скором времени Мэйстон станет мне родным.

– Вы смерти моей хотите! – патетично воскликнул стилист.

Тот же самый, который готовил меня к выступлению на юбилее. Новость о том, что он приедет, мне вечером сообщила секретарь Халлорана. Я не стала возражать, тем более что платье все равно уже было куплено, а собираться самой в разы сложнее, чем когда вокруг тебя порхают стилист и визажист.

Сейчас же только развела руками.

– Но... как? – взвыл он. – В прошлый раз, когда мы виделись, вы были брюнеткой!

– Шатенкой, – поправила я. – Мне захотелось перемен.

– И платья! У вас же должно быть красное на сегодня...

– Красный не подходит к моему новому образу.

К слову, к новому образу я выбрала бледно-розовое платье в пол. Остановилась на стильной классике с элегантно вырезом-лодочкой, потому что украшение на шее других украшений не предполагало. Зато руки были открыты полностью, не считая перчаток. Спина тоже – хоть и менее откровенно, чем на платье для выступления в Ландстор-Холл, все равно достаточно, чтобы притянуть взгляд. Пока стилист приходил в себя, я устроилась у зеркала и приготавливалась становиться красивой. Очень красивой.

Вчера, несмотря на крайне насыщенный день, я долго не могла заснуть. Сначала пыталась не думать про Ирргалию. Часа так два с половиной. Возвращалась она на свою помолвку, которая должна была состояться на следующей неделе. По всему выходило, что Шахррейн с сыном ездили во Флангстон, чтобы просить у Стоунвилла ее руки. Странно, что метящий в Президенты согласился отдать дочь не за правящего, но видимо, такое родство его полностью устраивало. То ли он рассчитывал на статус ректора Райгенсфорда, почетного гражданина и второго лица Мэйстона, то ли на то что рано или поздно Шахррейн станет правящим. С наибольшей вероятностью второе. Поскольку сила крови древнего рода (в сочетании с поддержкой Президента Совета, разумеется) способна поставить их на одну ступень с Халлоранами.

По-хорошему, Шахррейн и Стоунвилл провернули стратегически верный трюк. Запретить невесте аристократа въезд в город – значит, не только окончательно поставить под угрозу дипломатические отношения между городами, но и вбить клин между сильнейшими семьями Мэйстона. Что, в свою очередь, приведет к распрям уже в нашем городе.

Короче, как ни крути – дерьмо.

От таких мыслей у меня в прямом смысле пухла голова. Хотелось пойти на кухню потопать ногами и разбить чашечку, а лучше две. Впрочем, можно и больше, об голову Ирргалии и ее папаши, можно сразу кофейный сервиз на четырнадцать персон. Ну и о головы Шахррейн-нов заодно. Сама не представляю, с чего так завелась: по-хорошему, все эти иррханские политические игры меня не касались. А по-нехорошему... заснуть все равно почему-то не могла. С политики мысли то и дело перескакивали на встречу с Рэйнаром. Сердце начинало биться в горле, а губы гореть. Не знаю, почему именно губы. Я несколько раз одергивала себя, но тщетно. В итоге плюнула и опять взялась за законы: если прочистить себе мозги не получается, нужно их забить.

– Как вы смотрите на то, чтобы убрать волосы наверх? С вашим, эммм...

Я не знала, в курсе ли стилист, что такое таэрран, поэтому внимательно посмотрела на него:

– Целиком и полностью доверяю вашему вкусу.

Мужчина улыбнулся.

– Тогда поднимем и пустим волну по лбу, справа налево. К такому фасону и с вашими чертами будет идеально.

Кивнула и закусила губу.

Танни уже должна была собраться – по крайней мере, с утра она носилась как заведенная. Даже представить не могла, что предстоящая поездка ее настолько увлечет. Сестра на удивление спокойно восприняла новость по поводу Рольгена, а во время знакомства сама вызвалась приготовить нам кофе. Кофе, правда, у нее вышел как обычно, вот только сути это не меняло. Поскольку прибежали мы вчера аккурат к приезду Лидса, вопрос со школой решила отложить до возвращения. Пусть отдохнет и развеется, а на свежую голову подумает, чего хочет на самом деле.

Главное сейчас, что между нами не осталось никаких тайн. Почти. Я постоянно ловила на себе любопытные взгляды и не сомневалась, что как только выдастся минутка посвободнее, меня снова забросают вопросами про иррханов.

Правда, это беспокоило гораздо меньше предстоящего.

И гораздо меньше того, что все-таки удалось вычитать по поводу наставничества. Неудивительно, что я ничего не нашла сразу: «Хаэррмарэ вэйлерр», в переводе с древнеиррханского «Единство пламени». Довольно древний ритуал, в современном мире такое случалось крайне редко и являлось скорее прецедентом, нежели нормой. Оно и понятно – зачем кому-то избирать себе наставника, если существуют Академии? Да еще и связывать себя почти неразрывными узами на все время обучения.

Вэйлар оказался прав, этот договор действительно нерасторжим.

За исключением одной маленькой поправки: оспорить наставничество после проведения ритуала мог только верховный правитель. Он единственный мог заменить наставника без претензий и политических конфликтов. Если бы рассмотрел в ученике потенциал, который захотел развивать лично.

Верховный правитель.

Гердехар Аррингсхан.

И у меня осталась его визитка, на которую я сегодня смотрела бесчисленное множество раз.

Перед тем как убрать в клатч.

Чтобы не смахнуть что-нибудь с туалетного столика, пришлось положить вспотевшие ладони на колени и вонзить взгляд в свое отражение. Прямоком в таэрран. Всякий раз, когда я смотрела на пламенеющую вязь, взгляд вопреки всякой логике холодел, и разум тоже. Внутри нее, как в реалистичном 3D-шоу, текли огненные реки, словно магма по ущельям, раскаляя четко очерченные контуры, зато мысли выстраивались стройными рядами и дышать становилось проще.

– Вы великолепны, – визажист отступила. – Нравится?

Удивительно, но несмотря на внутренний ураган сейчас моему взгляду могла позавидовать даже местра Халлоран: теплый макияж не сумел растопить холод. Прическа по последней моде была безупречна. Крупные волны собраны на затылке, лоб и лицо обрамляет почти касающаяся правой брови прядь. Браслет и серьги из белого золота охлаждали теплый оттенок платья: неброские драгоценности шли к волосам, туфелькам и клатчу, поэтому все было гармонично. Наверное, никогда раньше я не казалась себе такой... местрель.

– Недурственно! – бормотал стилист, забегая, чтобы посмотреть на меня с разных сторон. – Недурственно... невероятно!

Не представляю, что означало «невероятно» в его исполнении, но довольное выражение лица однозначно говорило о том, что образ удался. Впрочем, когда я вышла из комнаты, большие глаза Танни развеяли остатки сомнений. Пока спускалась по лестнице, она рассматривала меня так, будто видела впервые, но стоило мне приблизиться, отмерла.

– Тебя даже обнимать страшно, – сообщила сестра.

Вместо ответа я обняла ее сама.

– Так лучше?

– Значительно, – она широко улыбнулась и ткнула в сумки, стоявшие у дверей. – Все готово.

– Тогда выдвигаемся. Не скучай, чудовище, и веди себя прилично.

– Виу! – Чудовище заглянуло в глаза и принялось умильно переминаясь с лапы на лапу: «Не уезжайте»!

Присмотреть за Марром вызвалась Лэм. Мы договорились, что виар останется дома, но они с Дрэйком по очереди будут к нему заглядывать – погулять, покормить, почесать между ушами, чтобы не так отчаянно скучалось и грустилось.

Потрепала Марра по голове и шагнула к дверям. Стилист накинул мне на плечи полушубок, который предстояло снять сразу по прохождению телепорта в Зингсприд. Хотел помочь сестре, но Танни уже привычно упаковалась в дутик, который скрыл майку-безрукавку. Легкие джинсы с дырками на коленях и не только, особенно интересно смотрелись в сочетании с зимними ботинками.

– Что? – поинтересовалась она, поймав мой взгляд. – Не хочу тратить время на переодевания.

– Так и будешь гулять по Зингсприду? – хмыкнула.

– Только шлепанцы надену.

Глаза сестренки сияли, она уже предвкушала приключения. Мне предстояло сразу ехать в оперу с Рэйнармом, а Танни в отель: весь вечер будет в ее распоряжении. Вчера после шопинга она сразу уселась составлять список мест, где хотела бы побывать. Как все это можно успеть за два дня – не представляю, но главным пунктом назначения был музей 3D-моделирования при известной киностудии «Ларгори Стейзерс».

Стоило открыть дверь, Дыр-дыр окинул меня небрежным взглядом, стремительно меняясь в лице.

Стилист театрально вздохнул и бросился к лифтам. На этот раз мы не опаздывали, но мне все время приходилось себя одергивать, чтобы не бежать в ритме ускоряющегося сердца. О том, что последние минуты отсчитывают время до встречи, тоже старалась не думать. Перехва-

тила удивленно-восхищенный взгляд Валентена, ответила короткой улыбкой и села во флайс. Танни сразу прилепилась к стеклу: она явно не собиралась упускать ни минуты полета по верхней аэромагистрале в лучах зимнего солнца.

– Чудесно выглядите, эсса Ладэ.

– Спасибо, Валентен.

Поправлять не стала – если водителю хочется держать дистанцию, это его право.

– Передадите ключи Лэмерти Долливан, как мы договаривались?

– Разумеется.

– Танни, ты не забыла?

– Что?

– Ключи, разумеется.

– Неа. – Сестра сунула руку в карман дутика и помахала карточками.

Добрались быстро, снова шли уже знакомой дорогой к ВИП-залам. Танни озиралась по сторонам, запрокинула голову, когда над нами раскрылась голограмма, я же смотрела перед собой. Тем не менее постоянно ловила на себе взгляды, раньше такое было только на сцене. Сейчас я же чувствовала, как они скользят по моему лицу, одежде и волосам. Самые разные, от настроения до настроения.

– Эсса Ладэ, – сотрудница Мэйстон-телепорт одарила меня неизменной улыбкой, такая же досталась Танни. – Эсса Ладэ.

Прежде чем я успела сделать шаг, Танни дернула меня за рукав и зашептала:

– Меня назвали эсса Ладэ! ВИП-зал! Серьезно?! Ты видела, как она на нас смотрела?

Мне удалось нацепить маску ледяного спокойствия, но, когда я шагнула в зал, внутри все перевернулось. Успела только отметить, что охраны здесь сегодня как на пресс-конференции.

Иртхан повернулся ко мне и замер, пробежавшись взглядом по волосам, по губам, по сгибам локтей. Огонь его глаз прожег от завитушек таэрран до кончиков пальцев.

Мгновение узнавания между ударами сердца.

Неверие. Темнеющий взгляд.

Яростное алое пламя отозвалось в каждой клеточке тела, словно на мне была не одна, а тысячи его меток.

– Эсса Ладэ. – В сильный голос ворвались едва уловимые рычащие нотки.

Глубоко вздохнула и ответила легкой улыбкой: удивительно, но во мне почти не осталось переживаний. А те, что остались, я затолкала так глубоко, как только была способна. Сегодня Зингсприд увидит не наказанную полукровку, а иртханессу, которая даже таэрран носит с достоинством.

– Местр Халлоран, – чуть понизила голос.

И протянула руку для поцелуя.

Глава 3

Зрачок его стянулся до крохотной точки: показалось, что сейчас взметнется в вертикаль и заполнит радужку цветом его огня, но нет. Иртехан коснулся моей руки и поднес пальцы к губам. Сжимая их чуть сильнее, чем того требовал этикет. Обжигая обманчиво-человеческим взглядом, однозначно говорящим, что я – его. И поцелуем, который даже через шелк перчатки заставил сердце подпрыгнуть к горлу. Только когда Халлоран отвлекся на Танни, поздоровавшись с ней, мысленно облегченно вздохнула. Мне вообще удивительно повезло, что с нами была Танни и эскорт охраны: при них держать лицо было в разы проще. Да и не собиралась я больше доставлять ему удовольствие и срываться!

Ни за что.

Поэтому спокойно положила руку поверх предложенной мне, направляясь к телепорту.

– Надеюсь, больше сюрпризов на сегодня не предвидится? – тихое рычание только для меня.

– Смотря что ты подразумеваешь под сюрпризами, – я мило улынулась.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я, – обманчиво-спокойно.

– О чем же? – невинно хлопнула глазами.

Это скрип зубов, или он раздавил что-то?

– О твоей непредсказуемости.

Ответить не успела: мы шагнули в зал перехода, и Танни не сдержала восхищенного возгласа. До этого дня она видела телепорты только в блокбастерах, сети и всяких научно-познавательных передачах. Поэтому сейчас с любопытством озиралась по сторонам, пока часть охраны правящего уже проходила в Зингсприд, чтобы встречать нас на другой стороне.

– Круто! – заявила сестра, пока над ее рукой скользили сканирующие лучи.

Оглянулась на нас и подмигнула.

– Предсказуемость – это скучно, – шепнула я, когда Танни нырнула в арку перехода.

Разумеется, я не собиралась устраивать ничего такого, но если ему так хочется...

Пусть понервничает.

Одарила Рэйнара очаровательной улыбкой и положила ладонь на медицинский сканер. В арку мы шагнули вместе, легкое головокружение – и мы уже в Зингсприде. Столичный ВИП-зал отличался только масштабами и цветами: сталь и синева. В этих же цветах была выполнена форма улыбочивых портпроводниц. В сопровождении охраны и не прекращающей озираться Танни мы вышли в зал ожидания, где Рэйнар помог мне снять полшубок.

Сестра уже выворачивалась из дутика: за окнами плескались теплые сумерки и высоченное небо с подкрашенными в разные цвета облаками. Самое большое срезало взошедшую над городом первую луну, по-летнему огромную. Танни вертела головой, как сигнальным маячком, кажется, даже забыла про то, в каком составе мы прибыли. Впрочем, распрощаться нам пришлось именно здесь: ее должны были сопроводить в отель, и она уже была на низком старте от нетерпения. Только рукой помахала, исчезая за дверями вместе с одним из безопасников.

Нас с Халлораном вывели в коридор, к другому выходу.

Вывели в прямом смысле, еще никогда в жизни у меня не было ощущения, что вокруг меня сжимается кольцо из людей. В данном случае – из охраны правящего. Мы шли не через общую залу, лабиринтами безграничного Зингпридского телепорта. Быстро, слаженно, профессионально: по дороге нам попадались исключительно сотрудники местной службы безопасности, один из них и распахнул дверь, ведущую на отдельную стоянку, где стояло лишь несколько флайсов.

Для нас и для охраны.

В лицо ударил горячий воздух, на миг стало нечем дышать.

Не то из-за влажности, которой был пропитан остывающий вечер, не то из-за чувства, что я шагнула из зимы в лето. Но ведь и правда шагнула: там, в Мэйстоне остались снега и мороз, а здесь... Я даже замешкалась на миг, за что заработала пристальный взгляд безопасника. Пусть ему, у него работа такая, а я дышала влажным воздухом, впитывая новые ощущения и наслаждаясь теплом. Правда наслаждалась уже по пути к машине, потому что иначе нас бы снесло стремительной охраной.

– До океана здесь далеко, – сказал Рэйнар, пока мы шли ко флайсу. Оно и неудивительно: Зингсприд разрастался на материке, вдоль побережья, телепорт на самой окраине. – На побережье влажность еще выше.

Не представляю, куда уж выше.

Хотя там, на побережье, наверняка одуряюще пахнет солью... Как в некоторых соляриях и солевых бассейнах. Пока что пахло только кожей, кондиционированной прохладой и дорогим парфюмом. Стоило водителю поднять флайс, перед глазами засверкали иглы высоток, по нарастающей.

Зингсприд построен полукольцами, точнее, районы в нем расположены полукольцами. Самая дорогая жизнь на побережье, где расположены дома и элитные, самые высокие многоэтажки. Насколько я знаю, там очень много зелени. Дальше идет деловой центр, за ним районы попроще, а потом вот окраины. Здесь черед промышленных предприятий, но телепорт стоит особняком, как и в Мэйстоне, дальше тянутся необитаемые территории, а за ними начинаются пустоши.

Что и говорить, Зингсприд был прекрасен.

Невероятен.

Огромен. Стоило нам выйти на верхнюю магистраль, как я оценила масштабы раскинувшегося вокруг мегаполиса.

И, конечно, возвышающуюся впереди пока еще тоненькую, но даже отсюда величественную иглу Вайовер Грэйс, зингспридской Лаувайс.

Не представляю, какая сила требуется, чтобы удержать такой город в безопасности.

– Бесподобно, – негромкий голос Рэйнара заставил очнуться.

– Бесподобно, – подтвердила я и откинулась на спинку.

– Ты выглядишь бесподобно.

От неожиданности я чуть не свалилась с сиденья: благо, падать было особо некуда, с одной стороны дверца, с другой он. Валиться в руки его ирхамства тоже не было ни малейшего желания. Зато судя по темному взгляду Рэйнара, он только этого и ждал, потому что потянулся к моему лицу, почти коснулся светлой пряди. Я перехватила его руку раньше, чем успела на себя разозлиться – за полыхнувший внутри костер и желание почувствовать это прикосновение.

Всем сердцем. Всем существом. Всей кожей.

На себя за минутную слабость, на него, потому что...

Потому что смотрел он на меня, как на свою собственность.

Вот не собиралась я этого делать, но сейчас плавно подалась вперед.

Почти вплотную к нему. Касаясь коленями коленей, дыханием – дыханья.

– Благодарю, – прошептала в прямо в губы. – Местр Халлоран.

После чего мягко отвела его руку.

Вот теперь его зрачок действительно вытянулся, в глубине алого пламени заворочался зверь, но я уже отвернулась к окну. Гулко ухающее в груди сердце согласно унялось, зачарованное видами.

Собственно, посмотреть действительно было на что: вдалеке уже маячила кромка побережья. Стемнело на удивление быстро, и цвет океанской воды, подкрашенной огнями, напоминал опрокинутое ночное небо. Верхняя магистраль стелилась огненной лентой, стремительно

стягиваясь за спиной в нить, рекламные голограммы вспыхивали там и тут, стальные змеи аэро-экспрессов – ощутимо длиннее, чем в Мэйстоне, извивались под нами сверкающими нитями.

Поворот, еще и еще.

Вблизи Зингспридская опера раскрывалась огненными лепестками, свет от которых плескался в темном зеркале воды. Чаша, удерживающая здание, казалась парящей над побережьем. Разумеется, удерживали ее прочные конструкции, которые за счет особенностей архитектуры и подсветки сейчас не было видно. От красоты захватывало дух, казалось невозможным представить, каково будет ступить туда и оказаться рядом с раскаленными кристаллами, пронзающими темное небо. В зале, где голос Шайны возносился под высокие своды, сводя с ума миллионы людей.

Стоило мне об этом подумать, как мы пошли на снижение.

В подсветке купалось не только здание оперы, но и расцветающая под огнями зелень. Высоченные пальмы и ухоженные газоны, сверкающая россыпь светильников вдоль многочисленных дорожек, оплетающих «драконий цветок». Сиделись рядом с центральным входом, полыхающим огнями у зазубрин дверей. Тонкие полоски постоянно смыкались размыкались, впуская роскошно одетых женщин и мужчин во фраках. До начала оставалось совсем немного времени, поэтому снаружи никто надолго не задерживался. Впрочем, стоило нашему флайсу опуститься, как все взгляды магнитами потянулись к нему.

– С прессой не общаемся, – произнес Халлоран, когда дверца флайса пошла наверх. – Все комментарии даст моя пресс-служба.

– Надеюсь, никаких сюрпризов не предвидится? – повторила его же слова.

Ирххан прищурился.

– О чем ты?

– О твоей непредсказуемости.

Холодно улыбнулась и подала ему руку, шагая в царство вспышек и окружение службы безопасности. Мне не привыкать к выходам, но сейчас взгляды цеплялись за меня, сканируя с головы до ног. Оценивая, сопоставляя: она и правящий? Журналисты, которых оттесняла охрана, публика, которая собралась насладиться голосом Эллины Райт. За время, что мы поднимались по широким низким ступеням, протянувшимся на длину аэроэкспресса и сужающихся ближе к дверям, улыбка приклеилась к губам. Точно так же, как моя ладонь – обманчиво-легко – к сгибу его локтя.

– Поговорим в ложе. – Его шепот скользнул по щеке, когда он склонился ко мне, и вспышки со всех сторон не преминули это отметить. Сильная ладонь уверенно накрыла мои пальцы. Теперь я при всем желании не смогла бы убрать руку.

Стоило нам шагнуть в холл, как брызги света потекли по платью, оживляя невидимый до этой минуты отражающий узор. Темная сталь фрака Халлорана посветлела, как разогревающийся металл. Толпа обтекала нас и расходилась под хрусталем сводов к лестницам и лифтам. Не удержалась, подняла голову, рассматривая бегущие ввысь стеклянные переходы, мраморные опоры и тепло скользящих под рукой деревянных перил. Раскатистое рычание дракона, сопровождаемое хлопаньем крыльев, прокатилось по зданию, оповещая о скором начале.

– Нравится? – негромко спросил ирххан.

– Очень, – призналась честно.

– Я рад. И еще больше, что ты сегодня со мной.

Мне захотелось пнуть его под коленку.

За мягкие вкрадчивые нотки довольного дракона.

За то, что он говорил со мной так, будто ничего не случилось.

За то, как это было сказано – чтобы наверняка, в самое сердце.

За скольжение ладони по пальцам.

Вот только в длинном платье это делать неудобно. К тому же, я обещала, что буду вести себя прилично.

Не ему, себе.

– Мы оба знаем, что я с тобой исключительно по твоему приказу.

Сильная рука на мгновение закаменела, но затем снова обманчиво расслабилась.

– Я помог тебе определиться с выбором. Наслаждаться вечером или нет, решать только тебе.

– Роскошный выбор, – хмыкнула я. – Согласиться и насладиться или согласиться и не насладиться. Я выбираю первое, а ты?

– Я собираюсь наслаждаться им вместе с тобой. – От двусмысленного заявления и низкого грудного рычания все волоски на коже встали дыбом.

Перчатка под его ладонью не заискрила только чудом, но к счастью, мы пришли. Первым делом охранники проверили ложу, и лишь потом отступили в сторону, чтобы позволить нам шагнуть за раздвижные двери. Кресло, к которому меня проводил Халлоран, мгновенно подстроилось под фигуру. Оно «зависло» в воздухе, регулировать высоту подъема можно было на панели управления на подлокотнике. Стоило иртехану сесть рядом со мной и легко коснуться дисплея, прозрачное стекло дверей стало матовым. Словно запотело или его затянул морозный узор.

Прежде чем успела бросить взгляд на сцену, уже догадалась, что мы в Председательской ложе. Я видела ее в сети: снаружи она напоминает парящую в невесомости платформу (за счет тончайшего на вид, но очень прочного стекла), отлитую в форме драконьего цветка и повторяющую здание в миниатюре. Внутри – места на восьмерых и бегать можно вприпрыжку, несмотря на ультрасовременную мебель. Пока разглядывала ложу, иртехан снова коснулся панели на подлокотнике. Откидной планшет тут же высветил голографическую программу, а очередное рычание еще немного приблизило начало «Артомеллы».

– Четыре действия, – произнес Халлоран, – самый большой антракт между вторым и третьим. Посмотреть меню и сделать заказ на ужин можно либо сейчас, либо после первого действия.

Какой ужин? Глянула под ноги, и голова закружилась. Огромный зал, тысячи мест, и кажется, что можно коснуться рукой головы любого, кто сидит внизу. Визуальный обман, точно так же, как для других зрителей наша ложа. Обманчиво-хрупкая, хрустальные кристаллы, раскрывающиеся лепестками напротив сцены. На верхнем герб Аронгары: двенадцать драконов, сплетающихся в нерушимое стальное кольцо на фоне взрезающих небеса гор.

У-у-ух!

Меня вдруг захватило чувство пьянящего, будоражащего восторга.

Я смотрю на сцену, где пела Шайна!

Огромное, залитое пока еще приглушенным светом пространство, над которыми вот-вот раскроются голограммы декораций и начнется история Артомеллы!

– Рэйнар... – повернулась к нему и осеклась: так жестко он на меня смотрел.

Или не на меня?

А потом вдруг пронзило взглядом, и, сама не зная как, я выхватила из многолюдного зала Вэйлара. В ложе, которая как раз хорошо просматривалась из нашей. То ли дело было в огненных волосах, то ли в том, как горели глаза истинного: у меня даже щеки закололо, а таэрран запылала с удвоенной силой. Глаза Рэйнара, напротив, стремительно потемнели, превращаясь в угли.

В эту минуту над залом прокатилось третье рычание, а мгновением позже погас свет.

Чтобы взорваться сотнями светил над сценой.

Улыбка на губах иртехана тоже погасла. Вэйлар сдержанно кивнул в знак приветствия и опустился в кресло. Даже в полумраке ложи его волосы горели огнем. Молодая женщина,

сидевшая рядом с ним, посмотрела на меня и подалась к истинному. Вэйлар наклонился к ней, а я с трудом заставила себя переключиться на сцену. На распластавшийся внизу древний город, потрясающий своей детализацией. Пыталась отрешиться от нахлынувших на меня чувств, но получалось с трудом.

В груди горело, как если бы по неведомой причине отказала таэрран, но отказать эта дрянь не могла. Едва удержалась, чтобы не прикрыть шею рукой: в темноте роспись напоминала раскаленный докрасна ошейник. Конечно, Вэйлар все равно увидел бы меня с ней. В новостях или в сети, но почему-то именно сейчас вышло так неожиданно, остро и навзничь. Знал ли Халлоран, кто будет в соседней ложе? Наверняка, он ведь привык все контролировать!

Разумеется, заявить всему миру, что я – его – это чудесно.

Особенно чудесно, если рядом будет тот, кто посягнул на его собственность.

Я смотрела на сцену, тщетно вслушиваясь в льющиеся над залом голоса. История Артомеллы начиналась с детства: когда в маленькой девочке проснулась сила, неподвластная даже мужчинам. Ее стихия проснулась, и чтобы уберечь дочь, правящий отец лично взялся за ее обучение. Он намеренно скрывал ее силу, потому что у него был наследник. Невероятная магия сестры способна была поставить под угрозу и сомнения авторитет брата. К тому же, в те времена к иртханессам относились как к красивому дополнению братьев, отцов и мужей.

Впрочем, в настоящем существенно изменилась только видимость.

– Эта женщина могла бы остаться жива, – негромко произнес Рэйнар во время короткой паузы. – Если бы отец сразу объяснил ей, что к чему.

Акустика здесь и впрямь была потрясающая: голоса возносились под своды, чтобы расплескаться над восхищенным залом, отдаваясь в каждом сердце. Даже голос маленькой девочки, приглашенной на роль Артомеллы в детстве. Говорить, когда дыхание перехватывает от звучания, казалось кощунством, но я все-таки ответила. Так же еле слышно:

– По-твоему, он должен был посадить ее под замок?

– Он воспитывал воина, а не женщину.

– Если бы он воспитал женщину, от города остались бы одни угольки.

– В этом сущность всех драм. Преувеличение.

Я оторвалась от сцены, чтобы взглянуть на него: хищный профиль, жесткая складка у губ. Рэйнар повернулся ко мне, ни одна черточка на лице не дрогнула. Только в глазах под тонким настилом изумрудного льда мелькнуло что-то такое, от чего сердце пропустило удар.

– В чем же ты видишь преувеличение?

– Ни одна женщина не способна справиться с налетом.

– Но она справилась.

– Она умерла.

– По-твоему, ей нужно было позволить драконам спалить город?

– По-моему, ей нужно было выбрать другого мужчину. Который способен ее защитить.

Я сцепила руки на коленях.

– Любовь не выбирает и не оценивает. Она просто есть или нет.

– Отношения со слабаком – это не любовь. Это безумие.

– Безумие – это отношения с тем, кто тебя не слышит, – хмыкнула я.

Он сощурился, но я уже отвернулась: не было ни сил, ни желания выдерживать этот пронизывающий взгляд. А вот мой странным образом притягивался к ложе Вэйлара, лишь усилием воли я заставляла себя туда не смотреть. То ли дело было в воспоминаниях, то ли в том, что у нас родственные огни. Истинная и истинный... Таэрран запирает магию, но не звериную сущность. Запечатанное пламя все равно останется пламенем, а драконица во мне засыпала только вместе с человеком.

Может, все дело в этом?

Первое действие закончилось, и в зале вновь вспыхнул свет.

Аплодисменты прокатились по залу не менее сильно, чем несколькими минутами ранее ария «Встреча». Публика забурлила, шуршание нарядов и оживленные голоса, обсуждением выхода Эллы Райт – пока еще совсем юной Артомеллы, и Адрына Кромаха, которому досталась партия ее возлюбленного, Регхарта.

Рэйнар коснулся панели управления, и двери, ведущие в коридор, снова стали прозрачными. Столпотворение у нашей ложи напоминало среднестатистический рынок в бедном районе. С поправкой на наряды и вежливость, разумеется: просто большинство делали вид, что замешкались рядом или разглядывали что-то с балкона, как раз напротив наших дверей. Безопасники неподвижно застыли у стен, даже не шевелились, ожидая нашего выхода, а иртвахан подал мне руку.

– Леона.

Вложила пальцы в сильную ладонь и грациозно поднялась. От меня не укрылось, как вспыхнули его глаза, когда он скользнул взглядом по обтекающей фигуру платью.

– Куда пойдем?

– Начнем с холла, посмотрим выставку.

– Выставку?

– История Артомеллы от первой постановки Зингсприда до наших дней.

По-настоящему оценить желающих поглазеть на правящего и его эскорт смогла, только когда мы вышли наружу. Этаж был заполнен народом, хотя в безумно красивом холле было на удивление свободно. Губы сами собой растянулись в улыбке, как ответ на праздное внимание. Выставка начиналась в соседствующем с холлом павильоне (из которого открывался невероятный вид на город) тянувшимся вплоть до самого ресторана. К выставочному залу вели две роскошные лестницы, по одной из таких мы сейчас и спустились в сопровождении охраны.

Возможность насладиться исторической экспозицией «Артомелла» с кадрами и описаниями постановок Зингспридской оперы разных лет раньше захватила бы с головой, но сейчас я не могла перестать думать про Вэйлара. Слишком отчетливо помнила, как тронувшая его губы улыбка исчезает при взгляде на таэрран. Что он подумал, когда увидел ее? Почему не подошел к нам сразу, ведь наши ложи совсем рядом?

Стоило нам шагнуть в арку павильона, все мысли разом вылетели из головы: у «живой» голограммы стояли Вэйлар и его спутница. Эффектный мужчина и ослепительно красивая женщина в платье цвета заката в пустыне. Миг – и заметив нас, истинный склонился к брюнетке. Прошептал что-то, после чего они направились в нашу сторону. Настолько решительно, насколько позволяло платье иртваханессы, тянущееся за ней ярким шлейфом. То есть медленно, но неотвратно.

– Добрый вечер. Рэйнар, Леона. – Таким голосом хорошо нарезать детали на конвейере, неуловимо раскаленным, как лазерный луч. В темной радужке сверкнули золотисто-рыжие искры. – Не ожидал встретить вас сегодня.

Рука под моими пальцами напряглась, хотя в лице правящий не изменился, демонстрируя прохладную учтивость. Вот только я от этой прохладной учтивости уже дымиться начинала, как пресловутая деталька. Непонятно даже, от чьей больше.

– Добрый вечер, Вэйлар, – низкий голос, еще не рычание, но уже близко. – Не знал, что ты любишь музыку.

В павильоне собирались гости оперы и напряжение.

Гости чуть поодаль, напряжение – в опасной близости, я чувствовала его всей кожей.

Понимала, что просто так разойтись не получится: будущий правящий Зингсприда и правящий Мэйстона не могут не отдать дань приличиям, даже если смотрят друг на друга драконами. Оставалось надеяться, что взглядами дело и ограничится.

А еще очень хотелось верить, что это не из-за меня.

Не может же это быть из-за меня?

Халлоран обещал, что все останется между нами, правда... его обещания всегда раскрывались подтекстом.

– С некоторых пор. Правящий Мэйстона, мейстр Халлоран – мейстрель Карин Меррхен, моя особая гостья из Лархарры, – взгляд истинного смягчился.

– Рад встрече, Карин, – Рэйнар коснулся губами затынутых в перчатку пальчиков.

Карин улыбнулась: полные чувственные губы, разрез глаз и смуглая кожа даже без представления Вэйлара выдавали в ней уроженку страны песков. Невысокая, одного роста с истинным, она всем своим видом излучала тепло. Так же, как и ее голос – низкий, грудной:

– Взаимно, мейстр Халлоран.

Иртеханесса повернулась ко мне, одарив меня ослепительной улыбкой.

Согласно правилам этикета иртеханов, подошедший представлял сначала старшего по иерархии, затем своих гостей, после чего наступала очередь старшего представить свою спутницу.

– Карин, счастлив представить эссу Леону Ладэ.

Вэйлар едва коснулся моей руки, чтобы поднести к губам. Меня полоснуло досадой так отчетливо, словно я сама вдохнула это чувство полной грудью, а Рэйнар тем временем продолжил:

– Будущую первую леди Мэйстона.

Рука Вэйлара дрогнула, и мы оба залипли, позабыв про все этикетки. Он – склонив голову к моей ладони. Я – как стояла во время обмена любезностями, с такой легкой улыбкой а-ля «Первая леди Мэйстона». Хотя с меня, наверное, картину можно было рисовать «Абсурд в процессе зарождения». По крайней мере, именно так я себя чувствовала. Отмереть заставил именно голос истинного, иртехан отпустил мою руку и выпрямился:

– Поздравляю вас. Был рад встрече.

Прозвучало это сухо. Невероятно сухо. Чересчур даже для толики учтивости, которой вынуждены обмениваться на светских приемах. Даже Карин взглянула на него с удивлением, и в ее слегка расширившихся глазах я прочла отражение своих мыслей. Тем не менее в интонациях иртеханессы замешательство никак не отразилось:

– Рада была познакомиться. Мейстр Халлоран. Эсса Ладэ.

– Взаимно, Карин. – Отозвался Халлоран. – Вэйлар.

Я даже что-то сказала, несоразмерно вежливое. Несоразмерно сплюсненному в панкейк сознанию. Мы распрощались так же спонтанно, как и встретились. Я смотрела на удаляющуюся пару, на тянущийся по полу шлейф, напоминающий след от ликера в экзотическом коктейле, пока он не затерялся в шелках и атласе гостей. Только после этого повернулась к Рэйнару и негромко спросила:

– Что?!

По крайней мере, мне хотелось, чтобы это получилось негромко.

Я очень на это надеюсь, потому что внутри полыхал не огонь драконицы, а по меньшей мере звезда размером с солнышко.

Рэйнар не изменился в лице, только глаза полыхнули ответным огнем.

– Ты не ослышалась, Леона. Именно поэтому я настоял, чтобы ты приняла мое предложение.

– Которое именно? – уточнила я. – Твое предложение, которое ты мне сейчас так оригинально сделал? Или на нем ты еще только собираешься настаивать? Не подумай, мне просто хочется сразу уточнить, что именно меня ждет в обозримом будущем, и не проснись ли я однажды под дружелюбный звонок оператора, который сообщит, что мои новые документы уже готовы.

Зрачок иртехана на долю секунды вытянулся в вертикаль.

– Предложение посетить Зингсприд. – Он увлек меня за собой к 3D-экспозиции. – Что касается прочего, это всего лишь вопрос времени.

– Ага, – сказала я, разглядывая голограмму, на которой старинные декорации еще собирались перед постановкой вручную. – То есть до того, как в моей родословной появится штампик «пригодна для совместной жизни и произведения на свет потомства», я могу спать спокойно?

Сейчас мне жизненно необходимо было сосредоточиться на чем угодно, кроме случившегося, поэтому я обратила взор на следующую картину. На ней декорации уже были собраны, и первая Зингспридская Артомелла с непривычно ярким для современности гримом прощалась с Регхартом. К слову сказать, вот уж кого я точно не назвала бы слабаком. Этот мужчина не побоялся бросить вызов ее брату, который сделал все, чтобы уничтожить сестру.

– Ты так это видишь? – Рэйнар не повысил голоса, но рычание все-таки вырвалось из груди, а на скулах заиграли желваки. – Повинностью? Наказанием?

– Наказания – это не мой профиль, – заметила я. – И повинности тоже.

Пожала плечами и перешла к следующей картине. Новая эпоха и новая Артомелла, плачущая у ложа умирающего отца. Убийц подослал ее брат, когда понял, что может лишиться власти, потому что сестра собирается замуж. Артомеллу обожал народ, а Регхарт был немногим слабее его по силе. Правитель склонялся к тому, чтобы собрать Совет и передать власть дочери и ее мужу, потому что сын с каждым годом все сильнее его разочаровывал. Последней каплей стало избиение жены, свидетелем которого невольно стал правящий.

– Наказание – это всегда ответственность двоих.

– Угу. Только наказанный на выходе почему-то всегда один. А помимо ответственности есть еще много факторов. Таких, например, как простые человеческие чувства. Которые иногда нужно принимать в расчет. Ну так, по вторникам, четвергам и пятницам.

– Простые человеческие чувства в мире иртханов – слишком опасная игра. Этим мы отличаемся от людей. Наши законы защищают не только людей от нас, но и нас от людей. В мире, где равновесие очень легко нарушить, его соблюдение ложится на сильнейшего. Я правящий, Леона.

Раскатистый рык и хлопанье крыльев оповестили о том, что скоро начнется второе действие, поэтому я ускорила шаг. Сюжеты из Артомеллы сменяли один другой: выставка действительно была прекрасна, но надолго я перед ними не задерживалась. Замерла только перед стендом: роскошной панорамной фотографией, на которой было представлено первое выступление Шайны.

– Я называю тебя своей. Сегодня. Сейчас. Перед всеми этими людьми. – Низкий голос, рычащие нотки. Халлоран остановился за моей спиной: так близко, что я чувствовала его всей кожей, всем сердцем, даже спящим огнем. Чувствовала, как дурацкий запертый огонь рвется к нему, несмотря ни на что. Тянется, как цветок к свету, отражаясь сбивающимся дыханием и участвующимся пульсом. От желания податься назад, чтобы почувствовать на своих плечах его руки отделяло только сознание того, где мы находимся. – В мире иртханов это большая честь.

Последнее заявление отрезвило похлеще ледяного душа. Желание податься назад сменилось желанием как следует треснуть его по голове, да хоть вот этой старинной вазой, утонувшей в нише. Чтобы осознал, насколько я ценю представившуюся мне большую честь.

А Халлоран решил не останавливаться на достигнутом и добил:

– По нашим законам ты уже моя. И этого не отменить никому.

Че-го?!

– Для кого это большая честь? – уточнила на всякий случай.

– Для твоей семьи.

А-а-а...бзац!

– Моя семья меня знать не хочет. Не наплевать ли мне, что для них большая честь?

– Ты ир்தханесса. Мы не разделяем себя и свою семью, когда говорим о вопросах чести.

– То есть моя честь зависит от них, или их честь от меня? Или сейчас ты оказал честь всему нашему роду до пятого колена доир்தханских времен? Прости, я что-то запуталась.

– Это не шутки, Леона. За ошибки правящего отвечает весь его род. За ошибки любого из нас отвечает весь наш род, точно так же весь наш род гордится нашими достижениями.

Глубоко вздохнула. Во избежание сложила руки на груди, глядя на Шайну-Артомеллу. Ее экспозиция представила в момент встречи с драконами: голограммы и живые спецэффекты тогда были еще не того уровня, как сейчас, но смотрелось все равно впечатляюще. С развевающимися волосами, в античном платье с занимающимся от огня подолом, раскинув руки под порхающими хищниками, Шайна была прекрасна. Даже желание треснуть драконище по голове почти прошло. Правда-правда. А то, что рука в сторону вазы дернулась, так это просто непроизвольно получилось.

– Я точно знаю, кто может это отменить, – сообщила доверительно.

За спиной стало совсем тихо: ни ветерка, ни рычания. Рэйнар шагнул вперед заглянул мне в глаза. Всем своим видом излучая уверенность, как выбравшийся из ущелья дракон, готовый вот-вот расправить крылья. Только легкий прищур выдавал раздражение.

– О ком ты говоришь?

– О себе, – я ткнула пальцем в грудь. – О себе, Рэйнар.

Черты лица его на миг заострились, крылья носа дрогнули. Будь у драконища хвост, не завидую я отполированному до блеска мрамору под ногами. К счастью, очередной рев взлетел под своды павильона, где тонкие нити центральной люстры собирались в раскаленный искрящийся шар. Крохотные светильники разбежались от нее по тонким металлическим мостикам, образуя под стеклянной крышей цветок с распахнувшимися в ночи лепестками. Напоминание о том, что скоро начнется второе действие подтолкнуло гостей в сторону зала, поэтому холл стремительно пустел.

Рэйнар тоже устроил мою ладонь на своем предплечье и направился к лестнице.

Мы поднялись в ложу в молчании, но стоило дверям стать непрозрачными, как над мной нависла драконоскала. Дабы не уступать, задрала голову, и мы оказались лицом к лицу. Теперь уже зрачок его вытянулся в вертикаль. Алые искры вспарывали радужку, как отблески заходящего солнца небо.

– Ты мне отказываешь, Леона?

– А ты сделал мне предложение?

– Я назвал тебя своей.

– Да! Раз десять. Но назвать своей и сделать предложение – разные вещи. Никогда не задумывался, почему оно так называется? Предложение – это когда ты спрашиваешь, а не когда ставишь перед фактом под прицелами камер!

– В мире ир்தханов это равнозначно.

Rrrrrrrr!!!! Теперь уже пострадать грозило стекло ложи. Под моим хвостом.

– В моем мире нет!

– Твой мир отныне неразделим с моим. Старший твоего рода не откажет правящему.

– Ну вот на нем и женись! Уверена, вы будете отличной парой!

Последние слова уже напоминали приглушенное рычание, которое захлестнуло более громкое. Я опустилась в кресло так изящно, что оно обиженно подпрыгнуло в высоту. К счастью, из зала уже плеснула музыка, в которую вливалось звучное сопрано Эллины Райт. Я падала в него, как в звездное небо, и вместе с ним взлетала под самые своды.

Голос дивы возносился ввысь, набирая силу и отражаясь от стен, вплетая чувства в каждый выдох Артомеллы. Голос, так непохожий на голос Шайны... Вдруг отчетливо представила ее, стоящую на этой сцене: заметно ниже Эллины, тонкую и хрупкую, с выразительными темными глазами. На миг даже показалось, что сама стою рядом с ней, что мы поем вместе, в

одно дыхание. Льющийся из груди голос, раскинувшийся за спиной город под раскаленным добела небом... и Аррингсхан с отцом Вэйлара в Председательской ложе. Не сводящие взгляда с одной-единственной женщины, воспламеняющей зал одним только голосом, не имеющим никакого отношения к магии иртвахов.

В моем представлении Аррингсхан выглядел таким, каким я увидела его на юбилее, только моложе, а вот отец Вэйлара почему-то виделся точной копией сына. Картина оказалась настолько яркой, что я даже моргнула, стирая видение. А после невольно бросила взгляд в сторону ложи истинного и Карин.

Они, казалось, были полностью увлечены представлением.

Но почему Вэйлар вел себя... так странно? Ни за что бы не сказала, что этот мужчина, порционно нарезающий слова на дольки и тот солнечный иртвах, с которым мы пили кофе и который кормил Марра булочками – одно и то же лицо. Хотя что я о нем знаю? Мы виделись всего два раза, причем в неформальной обстановке. Что в первом, что во втором случае между нами лежала пропасть, разделявшая нас по положению гораздо серьезнее, чем сейчас. Вот только сегодня это была не пропасть, это была стена.

Неужели и правда все дело в таэрран?

Словно почувствовав меня, Вэйлар повернулся. На миг наши взгляды встретились, и грудь снова обожгло.

Да что же такое со мной творится?

Обдумать это не успела, потому что по телу прокатилась огненная волна. Обжигающая, заставляющая кожу покрыться мурашками и вызывающая желание не то пригнуться к земле, не то расправить крылья и зарычать. Утробно, всей грудью. Обернулась, чтобы упасть прямо в тлеющие угли драконьих глаз. Что-то внутри неуловимо заискрило, как оголенный провод. Как отражение пламенной ярости.

– Что? – поинтересовалась, приподняв брови. – Если я пришла с тобой, говорить и смотреть дозволяется только на тебя?

– Дозволяется говорить с кем угодно.

– Вот и чудненько.

– Если это не нарушает приличий.

Вот теперь полыхнуло. Потому что ни разу – ни разу за сегодняшний вечер я не сделала и не сказала ничего такого, что могло бы повредить его репутации. Я оделась безупречно и вела себя безупречно. О том, что мне хотелось разбить о его голову вазу, не узнала даже ваза. Возможно, именно поэтому мне снова этого захотелось. С удвоенной силой.

Приличия, говорите?

Сейчас я вам покажу приличия!

– Тебя не затруднит пригласить Карин и Вэйлара в нашу ложу в следующем антракте?

Судя по выражению лица, предложение драконищу не понравилось.

Встречаться с Вэйларом я не собиралась, разумеется, просто кто-то сам нарвался.

– Эти антракты такие короткие... – Невинно хлопнула глазами. – Мы же почти ни о чем не успели поговорить! А может быть, лучше вместе сходим в ресторан?

Теперь уже полыхал его взгляд. Не просто полыхал, вихрями огня разрывал полумрак ложи.

В противовес этому голос прозвучал неестественно спокойно:

– Сегодня после возвращения придешь ко мне в номер, Леона.

Ага, счаз. Десять раз.

– М-м-м... заманчиво, но нет, – я накрутила на палец локон, не без удовольствия отмечая, как раскрываются вертикальные зрачки.

– Это не просьба, Леона.

От знакомого прищуря захотелось накрыться огнеупорным брезентом и медленно отползти в сторону дверей. И охраны. И вообще, лежа показалась какой-то слишком уединенной. Тем не менее отползти я больше никуда не собиралась, потому что прекрасно знала свои права. И обязанности.

– Приказать это ты мне не можешь.

– И не приказ. – Зрачки стянулись в едва различимые нити. – Это твое наказание.

Глава 4

Когда до меня дошло, я искренне пожалела, что под рукой нет ведра со льдом, а заодно и с бутылкой потяжелее. Интересно, как ведут себя местные кресла, если ими запустить в пра-вящего? Их вообще с места над стационарным удерживающим полем можно сдвинуть? Еще немного, и я это проверю невзирая на наличие толпящейся за дверями службы безопасно-сти. Воспользоваться моим обещанием по поводу любого наказания за обращение к Вэйлару! Несмотря на то, что сам выполнил наше соглашение через задницу набла!

– Ты не посмеешь! – прошипела я, задыхаясь от переполнявших меня чувств.

– Сбавь тон, Леона. – Он сцепил руки на уровне подбородка, глядя на меня сквозь тонкие прорези век. – Или ты хочешь расторгнуть наше соглашение?

– Р-р-рых!!!!

Это то, что вырвалось из моей груди, когда я бросилась на него. Мысленно. То есть вырва-лось оно вполне себе в реальность, а вот бросилась я мысленно, щедро расцарапывая его дра-конью физиономию и опрокидывая на него сверху ведро за ведром. Пожалуй, стоило тогда вместо извинений сфотографировать его на телефон и выложить в сеть! Слишком подходящее для него обличье: не дракон он, а скользкий змеевидный ящер! Самый настоящий! Двуногий прямоходящий!

– Значит, жду тебя у себя, – и глазом не моргнул Рэйнар. Он вообще не моргал, как довольный сытый зверь. Расслабленно отвернулся к сцене, словно все, что его интересовало, это история Артомеллы. – Одну. Это займет всю ночь.

Одну?!

Всю ночь?!

Да он... да он... Он... он...

Дабы не залепить ему между глаз туфелькой, уставилась на сцену. Второе действие как раз подходило к концу, и Регхарт делал Артомелле предложение. Кстати, вполне себе по-чело-вечески, на краю водопада, встав на одно колено. Это одна из самых красивых сцен в опере, поэтому смотрели ее, затаив дыхание. Обычно и я тоже, но сейчас мне было не до романтики. По залу прокатывался легкий ветерок, еще больше погружая в происходящее, я же вцепилась в подлокотники.

– Наслаждайся оперой, Леона. До наказания еще достаточно времени.

Нет, он еще и издевается!

– Наслаждаюсь! – огрызнулась. – Кстати, на всякий случай... предложение делается при-мерно так, – не удержалась от шпильки.

– Разумеется. Потому что постановка адаптирована для людей.

Р-р-р-р!!! Ящер с дикой концентрацией снобизма.

– То есть иртыханы в оперу не ходят?

– О преувеличениях мы уже говорили.

Надо же, моргнул! У, драконоползучее!

Нужно срочно что-нибудь придумать! Вот срочно.

Но как назло ничего не придумывалось, потому что наша с ним договоренность не имела никакого отношения к законам, приказам и прочему. Это действительно был мой выбор, под-ставить Вэйлара и допустить поединок из-за того, что он мне помог, или же смириться и тащиться в номер. Хорошенький выбор! Мало ему, что я стану «его» на всех телеканалах страны. Ладно, предположим, на этом повороте он меня обыграл, значит, надо придумать, как обернуть все в свою пользу.

Идея пришла мне в голову неожиданно.

Все, что нужно – это снотворное. Сильнодействующее у нас запретили с десятков лет назад, потому что многие препараты использовали не по назначению, но мне и обычного хватит. Съем его за ужином, и... к моменту «наказания» буду уже в состоянии среднестатистического валуна, то есть в глубоком ауте. В номер я к нему приду? Приду. Наказание состоится? Состоится! Вот пусть и наслаждается моим бессознательным обществом, сколько угодно.

Идея настолько меня захватила, что я даже подскочила в кресле.

План был идеален... за исключением одного пункта.

Осталось только понять, где мне так быстро раздобыть снотворное. Вытащила из клатча обеззвученный телефон и быстренько набрала запрос «ближайшая аптека». Ближайших аптек были десятки, но вот добраться до них представлялось сомнительным, особенно учитывая наличие драконоящера с сопровождением на хвосте. Как вариант, оставался еще пункт оказания первой помощи при Зингспридской опере.

И вот это уже было реальнее.

Стоило мне об этом подумать, как в зале вспыхнул свет.

Рэйнар поднялся со стремительной грацией хищника и предложил мне руку:

– Пойдем. Большой антракт длится два с половиной часа, успеем спокойно поужинать в ресторане.

Не знаю, что творилось в драконьей голове, но внешне он был спокойным, таким же, как предполагаемый ужин. Зато в моей голове план уже созрел достаточно четко, не просто созрел, он вызрел и готовился перезреть, поэтому едва приподнявшись, я пошатнулась и ухватилась за руку драконища. Невозмутимость с которого как ветром сдуло. Рэйнар подхватил меня, крепко, но бережно, пристально глядя в мое лицо.

– Что случилось?

– Голова закружилась, – сказала, выпрямляясь. – Ничего, уже все прошло... Ох...

Стоило нам сделать шаг, как меня вполне «натурально» повело в сторону. Драконище немедленно развернулся и усадил обратно в кресло. Бережно, но с такой прытью, что я едва успела бы сказать: «Вяк!» Спинка откинулась, подчиняясь скользнувшему по панели управления сильным пальцам, а потом меня, можно сказать, уложили. Теперь я могла лицезреть потолок и склонившегося надо мной Рэйнара.

– Ты сегодня вообще что-нибудь ела? – недовольно рыкнул он, нажимая кнопки на панели. – Лучше пока останемся здесь. Попрошу принести ужин в ложу.

– Нет! – живо вскинулась я. Это совсем не входило в мои планы, точно так же, как на удивление бодро прозвучавший голос. Пришлось немедленно добавлять в него слабину. Немного. Ровно столько, насколько я вообще могла себе позволить. – Я бы очень хотела выйти. Просто давление немного упало. Телепорт, другой климат... и неделя выдалась напряженная. Пусть меня проводит в медпункт кто-нибудь из службы безопасности, а потом я присоединюсь к тебе в ресторане.

Рэйнар снова прищурился. Пару секунд изучал мое бледное (я очень надеялась на это) лицо, потом кивнул, снова что-то набрал на панели и протянул мне свою драконью лапищу.

– Я провожу тебя сам, – вердикт, который обжалованию не подлежит.

Ну разумеется!

Я чуть было не скрипнула зубами от досады, но если сейчас стану отказываться, только вызову лишние подозрения. Не стоит давать столь серьезному противнику тактическое преимущество. Мало ли что придет ему на ум, пока он будет ждать меня в ресторане, а так будет делом занят. В смысле, проведением меня по коридорам.

На сей раз меня уже не шатало, я легко опиралась о предложенную руку и даже изобразила подобие улыбки, когда мы вышли из ложи. Сейчас здесь было уже поменьше людей: то ли насмотрелись на правящего, то ли проголодались и поспешили в ресторан, чтобы успеть отдохнуть перед продолжением.

Мы снова спустились по лестнице, прошли через павильон и свернули налево. Если здание оперы напоминало цветок, то коридоры представляли собой прожилки, которые почти не заметны, но в отблесках пламени разгораются яркими нитями. Просторные, оформленные в минималистичном стиле, они привели нас к одной из дверей, на которой красовалась надпись: «Медицинские услуги».

Видимо, Рэйнар успел отправить запрос еще в ложе, потому что за ней нас уже встречал пожилой мужчина в светло-голубом халате: настолько гладковыбритый, что в его подбородок можно было смотреться, как в зеркало. Просторный кабинет напоминал классическую приемную, разве что медицинские сертификаты на стенах говорили о том, что она врачебная.

– Добрый вечер. Местр Халлоран. Прошу. Эсса Ладэ... – мужчина окинул меня внимательным взглядом и поспешил к дальним дверям. – Пойдемте со мной. Сюда, пожалуйста.

До дверей меня тоже проводили. Только я подумала, что до реализации моей задумки осталась всего пара шагов (буквально), как меня осторожно развернули к себе лицом. Прищур исчез, теперь Рэйнар выглядел сосредоточенным. Он легонько коснулся моей щеки, во взгляде промелькнуло чувство, которое сложно было понять. Разгадать его я не успела, потому что драконище отступило в сторону, пропуская меня вперед и явно намереваясь войти следом.

Ну уж нет, мы так не договаривались! Мне нужно остаться наедине с врачом и рассказать ему, как плохо я переношу телепорты и засыпаю на новом месте. Поэтому сейчас резко остановилась:

– Давление мне могут измерить и без твоего участия, – сказала так, чтобы слышал только он.

Иртехан тоже остановился, его брови взметнулись вверх, чтобы через секунду сойтись на переносице. На долю секунды показалось, что сейчас меня просто втолкнут в кабинет мощным собой, настолько жестко он на меня смотрел. Но потом все же перевел взгляд на врача и произнес:

– Пришлете мне результаты обследования.

– Конечно, местр Халлоран, – мужчина слегка поклонился.

Глядя в удаляющуюся спину Халлорана, едва удержалась от того, чтобы показать ему язык. Дракон опустился на кожаный диван: мрачный, как снеговая туча. Только легкое покашливание врача напомнило о том, зачем я здесь, поэтому поспешно скользнула в медицинский блок. Ровные ряды шкафчиков с препаратами стояли отдельно, чуть поодаль, там же располагалась капсула для оказания экстренной медицинской помощи. Стараясь не сильно коситься в ту сторону, прошла к креслу для обследования.

– Перчатки, браслет и сумочку вот сюда, – мужчина указал на тумбочку, стоявшую рядом. – Позвольте...

Он отрегулировал высоту и спинку под меня, подключил сканер и дополнительные датчики, сомкнул напульсник. После чего опустился в кресло-компьютер, и перед ним тут же выскочил виртуальный монитор.

– Начнем с простого, ладонь сюда. Как себя чувствуете? Голова кружится?

– Сейчас уже нет, – решила, что с медиком переигрывать не стоит. – Возможно, это из-за телепорта...

– Сейчас все узнаем, – мужчина перевел взгляд на монитор, который передавал данные со сканера под ладонью. – Расслабьте руку пожалуйста.

Напульсник чуть сдавил запястье, и так же быстро отпустил.

– Давление в норме. Я бы предложил полное сканирование в капсуле, но это займет много времени, да и... – Он окинул многозначительным взглядом мою прическу. – Начнем с кардиограммы. Сидите спокойно.

Я быстренько глянула на бедж:

– Эссерд Нерхт, не могли бы вы оказать мне любезность?

Врач оторвался от результатов сканирования, которые на прозрачном мониторе отражались светящимися зеленоватыми диаграммами и численными показателями, собирались в таблицы и прогнозы.

– Разумеется, о чем речь?

– Я очень плохо сплю на новом месте. Особенно после телепорта. Не могли бы вы записать на счет моей страховки снотворное?

Тот развел руками.

– Я бы с удовольствием, эсса Ладэ, но у меня его попросту нет.

Как нет?! Видимо, удивление настолько отразилось в моих глазах, что врач поспешно продолжил:

– Боюсь, что подобные препараты не предусмотрены ситуациями и спецификой моей работы.

Специфика, чтоб его, работы! Действительно, зачем ему здесь снотворное?

Чтобы во время оперы кто-нибудь захрапел?

Почему я об этом не подумала раньше?

Ну почему, почему, почему?! Неужели столько стараний – и все набу под хвост?! Сердце заколотилось, как сумасшедшее, а в следующий миг монитор обследования отозвался слабым писком. Кардиограмма из зеленой превратилась в розовую, и врач нахмурился. Показатель пульса стремительно подскочил, цифры тоже изменили цвет. Врач нахмурился, густые, с заметной проседью, брови сошлись на переносице:

– Часто беспокоитесь в последнее время, эсса Ладэ?

По пять раз на день!

Беспокоюсь? Беспокоюсь... Беспокоюсь!

Успокоительное!

Пусть у него нет такого эффекта, как у снотворного, но если использовать сразу несколько пластин... будет примерно то же самое.

– Случается, – отозвалась я.

Сердце не подвело и продолжало колотиться быстро-быстро, отстаивая последний шанс.

– Гм, – врач взглянул на монитор. – Хочу проверить некоторые показатели. Не возражаете, если сделаем мгновенный анализ крови?

Да пожалуйста, только успокоительное выдайте!

Кивнула, мужчина тут же поднялся и вернулся уже с анализатором, заправленным реактивами. Дабы не смотреть на то, как в меня втыкают иголки, отвернулась. Стоило автоматическому ободку сомкнуться чуть повыше локтя, принялась сжимать и разжимать руку. Пластырь с обеззараживающим анестетиком легко коснулся кожи, и укола микроскопической иглы, вмонтированной в прибор, я вообще не почувствовала. Все равно не люблю эти штуки. На дворе уже двадцать шестое столетие, а в людей все еще иголками тыкают. Спасибо хоть не такими длинными и тупыми, как раньше.

Мужчина вернулся в кресло и подключил анализатор к компьютеру, данные в мгновение ока выскочили на планшет.

– Мне придется пить успокоительное? – поинтересовалась, сгорая от нетерпения.

Не зря же я сюда пришла.

– Пару минут, эсса Ладэ.

Какое-то время мы молчали, я рассматривала нехитрую обстановку медицинского блока, врач дожидался завершения работы анализатора. После чего поднял на меня глаза.

– Что там? – уточнила я.

– С чем связаны ваши потрясения, эсса Ладэ?

Я даже почувствовала, как подскочили мои брови.

– Я имею в виду, есть ли возможность их исключить?

Вам что, жалко для меня успокоительного, что ли?

– Вряд ли, – сказала я. – Я меняю работу, а это, сами понимаете... Очень серьезно.

Да откуси мне голову дракон, если я вру!

Один Гроу чего стоит.

– Что ж... – мужчина свел данные воедино. – Я передам результаты обследования местру Халлорану, а вам советую ограждать себя от волнений.

– Может быть, выпишете мне что-нибудь на ближайшее время?

– Не думаю.

Только не говорите, что успокоительного у вас тоже нет! Ни за что не поверю, что в опере ни у кого не сдавали нервы. Особенно у певцов, например, после встречи с начальством. Мда, не к ужину будь помянута Эвель. Надо по возвращении забрать из Ландстор-Холл вещи и окончательно с ней распрощаться. Эх... как же я без Дрэйка?! Учитывая наш ритм жизни, теперь почти не будем видеться. Да и по гостям буду отчаянно скучать – по счастливым лицам и улыбкам, по притоптывающим под столами каблучкам.

На миг так отчаянно захлестнуло ностальгией, что даже стало немного грустно. Все-таки, если убрать Эвель, Ландстор-Холл занимает особое место в моем сердце. Надо бы поговорить с Хейдом, хочу рассказать об этом на своей страничке в соцсети и поблагодарить всех, кто приходил меня слушать. Хотя сдается мне, тем по возвращении у нас с агентом и так будет много.

Но по-моему, сейчас я от темы отклонилась.

– Почему? – спросила у мужчины, который как раз сводил данные и готовил файл для конвертации.

– У вас завышены гормональные показатели, эсса Ладэ. Ничего критичного, все в норме для женщины, но...

Э-э-э, что значит, «в норме для женщины»?!

– Я бы не рекомендовал вам принимать какие-либо препараты. Потому что, – мужчина отложил планшет, – предположительно, вы в положении.

Я... что?!

– Этого не может быть! – вырвалось у меня.

Не может, потому что я леплю ежемесячные пластинки с того самого дня, как наши отношения с Вальнаром получили закономерное развитие. Он настоял на этом, чтобы не замораживаться с мужской контрацепцией, да я и не особо возражала. Так действительно проще, не случится никакой внезапности из-за непрочного материала и тому подобного.

– Я говорю только то, что вижу по результатам анализов, – мужчина развел руками. – Любой врач на моем месте скажет то же самое. Разумеется, вам нужно пройти полноценное обследование в специализированном медицинском центре...

– Нет! – Я резко выпрямилась, забыв про датчики, и парочка отскочила от меня, как старинные игрушки на пружинке. – Нет. Я принимаю противозачаточные.

Глаза у врача стали размером с чашки, он живо бросился ко мне, чтобы отсоединить остальные.

– Ни один препарат не дает стопроцентной гарантии.

– Но вы сказали – предположительно!

– Разумеется, потому что я не могу ничего утверждать без сканирования.

По ощущениям, мои глаза были в точности как у врача, когда я чуть не оторвала проводки. Я силилась объять необъятное, но не могла. Драконенок?! То есть ребенок... Невозможно! Не знаю, как чувствует себя зазевавшийся пустынный во время песчаной бури, но иначе я свое состояние описать не могла. Меня то подбрасывало вверх, за облака, где порывы ветра становились еще сильнее, и обжигало холодом, то низвергало вниз, в потоки раскаленного солнцем песка.

Драконенок от Рэйнара...

Мамочки!

Так, Леона, тихо!

Нужно успокоиться. Только истерики тебе не хватало для полного счастья.

Я потеряла грудь, словно это могло помочь мне дышать спокойнее, взглянула на врача, который с недовольным видом складывал датчики в футляр.

– Простите, – сказала я. – Эта новость... несколько меня обескуражила.

Обескуражила? Серьезно?! Это совсем не то слово, которое первым приходит на ум.

– Понимаю, – сдержанно отозвался мужчина. – Если снова почувствуете себя плохо, незамедлительно обращайтесь за медицинской помощью. Не перенапрягайтесь и избегайте лишних волнений.

Я кивала в ответ на все рекомендации, как электронная игрушка, у которой заклинило микросхемы. Избежишь тут, как же. А главное, никуда не сбежишь, в медицинском блоке даже окно – имитация, можно только потыкаться в стену головой. Или побиться, от души так. Не могу я быть в положении, потому что... потому что просто не могу! Какие мне положения?! Особенно сейчас!

– Приводите себя в порядок и можете выходить, а я пока сделаю записи.

Пока врач сводил результаты на планшете, я сползла с кресла. Что-что, а успокоительное мне сейчас точно не помешало бы. На автопилоте натянула перчатки, с какого-то раза каждую, потому что руки дрожали. Застегнула браслет и подхватила сумочку, после чего вышла в приемную. Теперь меня уже тошнило вполне естественно, и голова кружилась тоже. Наверное, я самую малость побледнела, потому что дракон с дивана не встал, а взлетел. Стремительно шагнул ко мне, чтобы подхватить под руку.

– Леона, как ты себя чувствуешь?

– Я беременна. – Тщетно пыталась удержать брови там, где им положено быть, но они неустойчиво ползли вверх. – Предположительно.

Зрачок иртыхана взметнулся в вертикаль и раскрылся на полную, а я ткнула себе за спину:

– Он так сказал. И поверь, я тоже от этого не в восторге.

Черные провалы стянулись в две едва различимые точки.

– Вот как, – вкрадчиво произнес Халлоран. – Почему же, позволь спросить?

– Потому что я недавно подписала контракт. У меня впереди репетиции с утра до ночи и первый выход на сцену. Это...

Под стремительно темнеющим взглядом осеклась.

– Помимо карьеры тебя больше ничего не волнует?

Че-го?!

Как-то неожиданно вспомнились бессонные ночи, когда я пыталась сочетать работу в Ландстор-Холл, обучение магии и тренировки перед прослушиванием. Вспомнилось, что он даже не позвонил и не поинтересовался, как прошло прослушивание. С другой стороны, зачем ему, и так все доложат. Как доложили про Танни.

– Ну прости, что у меня есть мечта, – выдохнула язвительно. – До которой тебе нет никакого дела!

– В отличие от тебя, – теперь в его голосе крошился лед, – мне есть дело до всего, что тебя касается.

– О да, вне всяких сомнений, – меня прорвало, и я уже не могла остановиться. – Поэтому о некоторых событиях нашей совместной жизни ты узнаешь значительно раньше, чем я.

Легкий шорох открывшейся двери заставил иртыхана замереть. Сейчас он как никогда напоминал зверя: стремительного и хищного, подобравшегося. Того и гляди пар из ноздрей пойдет, а за спиной раскроются крылья. Проследив его взгляд, обернулась и увидела врача, тот

выглядел неважно, бледненький какой-то и уменьшается на глазах. Впрочем, если не ошибаюсь, он сейчас тоже оказался в положении.

С трудом удержалась от того, чтобы не хихикнуть.

Нервно.

– Местр Халлоран, результаты у вас на почте, – осторожно произнес мужчина, – я...

– Благодарю, эстерд Нерхт. – Сейчас голос Рэйнара больше напоминал треск закаменевшей магмы. – Буду благодарен вдвойне, если вы любезно позволите нам закончить разговор.

– Разумеется, – мужчина склонил голову. – Мой кабинет к вашим услугам.

– Премного обязан.

Стоило двери в медблок закрыться, как иртвахан шагнул ко мне вплотную.

– Это наш с тобой первенец, Леона. Наследник династии, будущий правящий. Надеюсь, тебе не стоит объяснять, что это значит?

– Это всего лишь ребенок!

– Он никогда не будет «всего лишь». Выбирая между нашим сыном и твоей карьерой, я выберу его.

Что-о-о?!

Не хочет же он сказать, что...

Не может же он запретить мне петь.

Не может, не может, не может! Я так долго к этому шла, роль Люси... Прослушивание, стычка с Гроу, разговор с Хейдом... Небо, я не хочу выбирать!

– Я все равно буду петь!

– Только после его рождения.

– А чего хочу я, ты спросишь? – процедила я, задыхаясь от бушующих внутри чувств.

– Ты сейчас не в том состоянии. – Иртвахан повернулся к двери, давая понять, что разговор закончен. – Пойдем. Нас ждут на ужин.

Он это сейчас серьезно?!

– Разумеется! И никогда не была! Считаешь, что можешь постоянно диктовать мне, что я должна? Виновата – на колени! Пришло время – в инкубатор, высиживать драконят! Так, да?!

Все это выдала на одном дыхании, ему в лицо.

Халлоран обернулся, и пламя обрушилось на меня ураганной волной. На миг даже дышать стало нечем.

– Если пожелаешь, будет именно так.

Сердце одним ударом подскочило к горлу. Будь под рукой что потяжелее, я бы запустила в него, сейчас же оставалось только сжимать кулаки.

– Нет. Не будет. Не будет, Рэйнар. Я не выйду за тебя. Я не стану твоей.

– Желаете повторить судьбу своей матери?

– Не желаю повторять судьбу твоей!

Лицо его закаменело, мы замерли друг напротив друга. Казалось, в разрываемой дыханием тишине было слышно даже биение наших сердец.

– Наш сын родится Халлораном, Леона, – жестко произнес он. – Кем ты для него станешь, решать только тебе.

От прозрачной ясности этих слов перед глазами потемнело. Он положил мою ладонь на сгиб локтя, но я даже не сопротивлялась. Не сопротивлялась и когда мы вышли в коридор. Бывает такое состояние, когда очень хочется хлопнуться в обморок, а потом очнуться и понять, что все что было – глючный кошмар. Но у меня с обмороками всегда была проблема. Подростком я умудрилась напороться во дворе на торчавшую из земли железяку. Даже когда кровь хлестала рекой, в обморок шлепнулась моя подружка. А я привела ее в себя, усадила на скамейку и пошла домой за аптечкой.

Ресторан, располагавшийся в верхнем «лепестке», запомнился смазанными образами заполненного гостями зала (даже навскидку было видно, что не осталось ни одного свободного столика), приглушенным светом и панорамными видами Зингсприда. Вышколенный метрдотель встречал нас улыбкой, официант провожал к столику. В отличие от пещеры «Драконьего шипа» здесь все было выполнено из стекла и хрусталя, даже металлические конструкции укутали в дымку прозрачного как слеза материала. Лиловые вставки на стенах перемежались с черным и серебряным, из украшений – только витые жилы светильников на стенах. Разумеется, мы ужинали в отдельной ложе, которую тут же запечатали широкие спины охранников и раздвижные двери.

К счастью, здесь тоже было панорамное окно во всю стену.

Туда я смотрела, на рассыпающуюся огнями летнюю ночь. Даже странно знать, насколько там жарко: из-за мощных кондиционеров в ресторане было слегка прохладно.

К счастью, во время еды не надо разговаривать.

А во время представления – и подавно. Когда мы вернулись, ложа Вэйлара и Карин пустовала, такой она и осталась до конца представления, которое тоже прошло мимо. Оставшиеся два действия (они были короче предыдущих, но гораздо насыщеннее по событиям) я думала только о ребенке. Происходящее на сцене и образы мелькали перед глазами, но не складывались в целостную картину. Несмотря на то, что я знала «Артомеллу» наизусть, то и дело ловила себя на ускользающем смысле.

Я не откажусь от своего сына. Ни за что.

От Люси? Нет! Никогда.

Пусть даже будет очень сложно... ничего, и не такое переживали.

Я думала, думала и думала. Думала, когда мы спускались по лестнице под перекрестными вспышками камер, думала, когда садилась в машину. Когда летела над Зингспридом вдоль побережья, а волны накатывали на песок, стирая контраст между темным и светлым. Правда, все это воспринималось через пелену отстраненности, словно я глотнула жидкого льда, и что-то внутри основательно заморозилось. Во флайсе иртехан молчал, и я тоже. За последние несколько часов мы едва ли перекинулись парой слов, а от улыбок для прессы сводило скулы.

«Шеррамел Стар», без преувеличения роскошный, встречал нас россыпями огней, отполированным мрамором и бесконечным сиянием. Суэта вокруг продолжалась до тех пор, пока мы не оказались в коридоре. Таким же роскошным, как и все, что меня в последнее время окружало. Некстати мелькнула мысль, что если Халлоран сейчас заикнется про наказание, я ему врежу, но он почему-то промолчал. Пожелал доброй ночи и удалился, оставив хвост охраны перед моей дверью.

А я вошла в номер.

Первое, что бросилось в глаза – вещи Танны, валяющиеся в беспорядке, а потом – в сквозных раздвижных дверях, сама сестрица, сидящая на перилах балкона. На огромной высоте, на фоне ночного Зингсприда. В летней маечке с принтом драконьего цветка и шортах, подтянув колени и обхватив их руками, она нахлобучила наушники и напевала что-то себе под нос. При этом слегка раскачиваясь из стороны в сторону, от чего у меня закружилась голова.

Скинула туфли и, мягко ступая по ковровину, осторожно подошла к балкону. С закрытыми глазами и легкой улыбкой сестра выглядела такой счастливой и светлой, какой я не видела ее уже очень-очень давно.

Прислонившись к двери, смотрела на Танны.

Было ли нам легко, когда отчим ушел?

Нет.

Но мы справились, и сейчас у нас все хорошо.

А будет еще лучше.

Будет, я обещаю!

Не сразу поняла, почему огни Зингсприда расплываются перед глазами, и картинка становится нечеткой. А когда поняла, было уже поздно: Танни повернулась и уставилась на меня. Даже если бы я хотела что-то изменить, уже не могла, предательские слезы хлынули сплошным потоком. В последнее время я вообще напоминала себе неисправную поливочную систему. Вот и сейчас остановиться не получалось, я редела так, словно снова была маленькой девочкой. Разве что на пол не сползла и ножками не топала.

Сестра вмиг слетела с перил, сдернула наушники и оказалась рядом.

– Эй, ты чего? – Растерянность в ее голосе почему-то сработала катализатором и вызвала новый поток слез.

Наверное, за последние месяцы я выдала пожизненную норму осадков, но даже представить не могла, что на такое способна. Особенно в присутствии Танни.

– Леа... Леа, ну... – Она мялась рядом, а потом неожиданно шагнула ближе и притянула меня к себе.

Зная, как сестра «любит» обнимашки, это был настоящий подвиг.

Я уткнулась носом ей в плечо, продолжая сдавленно всхлипывать. Меня понемногу отпускало, когда Танни неожиданно отстранилась и рванула к дверям. Широко раскрытыми глазами я смотрела на то, как яростно она вбивает ноги в обувь. Так, что один шлепанец едва не лишился пары ремешков.

– Эй... – растерянно произнесла я. – Ты куда?

– Он обидел тебя! – прошипела сестра. – Урою! В драконий навоз укатаю!

И рванула дверь на себя.

– Танни!

– Что?

К счастью, сестрица обернулась, это позволило мне выиграть время. Никогда в жизни я так быстро не бегала. Лазерным лучом пролетела сквозь гостиную и холл, развернула сестру лицом к себе и толкнула дверь.

– Сейчас будешь говорить, что это не он, да? – Танни прищурилась. – Что я должна вести себя благоразумно, и все такое? Только почему-то ты не побоялась заставить Мика проскакать гольшом по стадиону...

– Поэтому мы поссорились.

– Что?!

Пожалуй, не самая своевременная тема для разговора, но раз уж так получилось...

– Это не татуировка, Танни, – я указала на таэрран. – Это блокирующая магию роспись. Наказание за то, что я сделала с Миком.

У сестры в прямом смысле отвисла челюсть.

– И ты молчала?! Все это время!

– Пойдем на балкон?

Стоило открыть дверь, душная ночь потекла в комнату. Запечатав кондиционированный воздух, шагнула в нее, позволив скользнуть по плечам, вдохнула полной грудью и приблизилась к стеклянным перилам. Из-за городских огней в угольном небе почти не было видно звезд, само побережье напоминало чудом спустившуюся с высоты ленту аэромагистрали. Чуть подавалась вперед, оттолкнувшись ладонями от перил: территория отеля раскинулась зелеными островками, с высоты напоминавшими пятнышки на рисовальном планшете, между ними вились светящиеся нити дорожек. Пляж казался крохотной полоской, в воде отражались огни, а легкий ветерок совсем не приносил облегчения из-за жары.

Негромко шелкнула дверь.

Танни подошла и остановилась рядом.

– Это из-за меня...

– Нет. Из-за меня, – повернулась и внимательно посмотрела на нее. – Я не жалею о том, что сделала с Миком, но я использовала магию на человеке. Это запрещено.

Подумала и взобралась на перила. Провернуть это в вечернем платье оказалось несколько сложнее, чем в шортах, но все-таки мне удалось. Рискуя запутаться в юбке, выпрямила ноги и прислонилась к стене. Сидеть на такой высоте над городом, особенно когда повсюду стекло, было страшно, и в то же время... Пьянящее ощущение свободы, от которой захватывает дух, рождалось где-то в груди и раскрывалось крыльями за спиной.

Танни последовала моему примеру, подтянула колени к себе и принялась колупать лак на ногтях.

– А я сегодня была на студии, – заявила она, наконец. – Еле успела, очередь отстояла целый квартал. Хорошо, что они по пятницам работают на два часа дольше.

– Понравилось?

– Безумно! – Глаза ее загорелись. – Леа, там создаются такие спецэффекты... Это просто невероятно! Целые города, реальные и фантастические, сражения и драконы, интерьеры... В жизни не сказала бы, что оно ненастоящее, настолько детали проработаны! Мне до такого еще расти и расти, но...

– Но?

– Мы можем себе это позволить? Я имею в виду... такое дорогое обучение.

Я приподняла брови.

– Почему нет?

– Потому что ты выкладываешься на работе, а я...

– А ты пока учишься. Надеюсь, продолжишь в том же духе, чтобы с экзаменами не возникло проблем.

Танни улыбнулась:

– Кстати, о школе. Я хотела бы вернуться в свою.

Я не свалилась с перил только потому, что очень хотела жить.

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Всю неделю об этом думала, и... Не хочу я бежать и прятаться, понимаешь? Ни от Броджек, ни от Лодингера с его компашкой. Тем более сейчас, когда ты выдала мне персонального телохранителя.

Покачала головой.

– А остальные?

– А что остальные? – Танни пожала плечами. – Друзей у меня нет, это правда, но голожопый Мик – звезда школы номер один, так что моя скромная персона снова задвинута в тень.

Сестра фыркнула, а я кусала губы, чтобы не расхохотаться. Несколько секунд мне это даже удавалось, потом смех все-таки прорвался, и теперь уже хохотали мы обе, как ненормальные. Хохотали, отпуская напряжение последних дней до слез и колик в животе. Уже не помню, когда я так смеялась в последний раз, но сейчас вспоминать и не хотелось. Ничего не хотелось, только вот так сидеть с Танни и болтать обо всем. Она рассказывала про спецэффекты ведущих кинокомпаний, я про Артомеллу. Не знаю, сколько времени прошло, когда глаза начали слипаться: океан на горизонте по-прежнему сливался с небом, а огней меньше не становилось.

– Пора спать, – сказала сестре, заметив, что она тоже начинает клевать носом.

– Правда, – Танни зевнула, и, спохватившись, прикрыла рукой рот. – Надо отваливаться, а то завтра просним полдня. А у меня столько планов...

Еще бы!

– На пляж с утра пойдем?

– Обязательно. Не зря же мы купальниками обзавелись.

Танни спрыгнула с перил. Собиралась уже было выйти, но потом все-таки обернулась.

– Леа... спасибо за то, что ты меня терпишь.

– Совсем дурная?!

– Совсем. В школе всем скажу, что Лидс – мой парень!

Под рукой не оказалось решительным образом ничего, кроме перчаток. Ими и запустила в сестру: сначала одной, а затем другой, вдогонку полетел браслет. Разумеется, та увернулась, а потом злобно (по ее мнению) хохоча, шлепнула себя по пятой точке и вприпрыжку скрылась за дверь. Раздался легкий щелчок, и я осталась наедине с Зингспридом.

Неожиданно для себя положила руки на живот.

– Прости, – пробормотала еле слышно. – Я сегодня наговорила столько чепухи. Никакой ты не просто ребенок... а самый лучший в мире. Понятно?

Мне очень хотелось бы верить, что в своем номере Рэйнар точно так же стоит на балконе и думает о нашем ребенке. О том, как ему не хватает меня – до дрожи, до сумасшедшего желания, до стиснутых зубов. Когда хочется наплевать на гордость, послать все приличия к наблам. Рывком открыть дверь, просто ввалиться в номер и терзать припухшие от поцелуев губы, сгорая в одном огне.

Наверное, картина была слишком яркой, потому что себя я поймала возле балконной двери.

Прижалась к ней лбом, к идущей от стекла прохладе.

Выдохнула.

Рэйнар сейчас сидит с ноутбуком и смотрит какие-нибудь отчеты. Или говорит по телефону с Норгхаром. А может быть, еще с кем-то. Сумасшедшее желание оказаться рядом, перебить всю обстановку об его голову, наорать, укусить до крови, сменилось холодной решимостью.

Он дал мне выбор, и я его сделала.

Я стану матерью, которой мой сын будет гордиться.

Той, к кому он не раз придет за советом. И в переполненный зал.

Визитка Аррингсхана в клатче завалилась под телефон, вот вместе я их и вытащила. Разумеется, звонить в такое время – верх идиотизма. Разумеется, завтра начинаются выходные, но... Но ничто не мешает мне оставить сообщение и попросить о встрече.

Пальцы почти не дрожали, когда я открывала мессенджер.

И совсем не дрожали, когда нажимала «отправить».

Глава 5

Вблизи башня Вайвер Грэйс выглядела еще более впечатляющей. Двести этажей стекла и металла, к самой высокой точке сужающихся в иглу. Меня тошнило не то от волнения, не то от голода: проснувшись, я первым делом бросилась проверять сообщения и обнаружила, что мне назначили встречу... на десять утра. Учитывая, что проснулась я в половину девятого, времени осталось только на то, чтобы привести себя в порядок, выпить кофе, даже не почувствовав вкуса, и вылететь из номера.

Сопровождение от меня не отвязалось, но по крайней мере, не стало останавливать. К счастью для всех, потому что сейчас я была не в том состоянии, чтобы спорить и препираться. Точнее, как раз в том самом состоянии, когда спорить и препираться со мной чревато, но не пришлось.

Не знаю, от волнения или с недосыпа, но безопасники вообще показались мне очень милыми ребятами. Вызвали флайс, который, разумеется, тут же поднялся на верхнюю аэроматриаль, даже не задавали лишних вопросов. Командовала водителем я, чему немало удивилась. Будь у меня побольше времени, непременно бы выяснила, с чем связан такой широкий жест и как скоро Халлорану доложат о том, куда я отправилась. Но времени не было. Вопросы надо решать по мере их возникновения, а такая возможность мне вряд представится еще раз.

Да и не уверена, что на второй раз у меня хватит запала.

Садись мы тоже сверху, в рукав под запечатанную стеклянным куполом стоянку. В Зингсприде даже остановки аэроэкспрессов запечатывали в стекло и снабжали кондиционерами, но оно и неудивительно. Допивая кофе, я высунула нос на балкон и поняла, что сейчас превращусь в гигантскую каплю, которая испарится в считанные секунды. Пока Танни мазалась кремом для загара, я носилась по комнате, на ходу закручивая волосы в пучок, и выбирала, что надеть на встречу с Председателем. В итоге остановилась на легком платье, длиной чуть ниже колен, с пуговицами по всей длине и закрытыми плечами. Оно единственное из моего гардероба придавало мне относительно деловой вид.

В таком деловом, дальше некуда, виде я и проходила через верхние турникеты и металлодетекторы Вайвер Грейс. Стараясь не думать о том, что у меня слегка трясутся колени. Прошлая встреча с Гердехаром Аррингсханом прошла на удивление непринужденно, но тогда я была просто певицей, которой сильнейший иртвахан Аронгары решил выразить свое восхищение. Сейчас же я шла к нему, как иртваханесса, или вроде того. И вот это «вроде того» слегка нервировало. Так же, как таэрран.

Знает ли Аррингсхан об этом? Знает ли, за что погасили мой огонь?

И как он к этому отнесется?

Вэйлар так вообще слова цедил.

Сердце кольнуло, но я запретила себе думать об истинном. Нечего.

Охраны здесь было столько же, сколько в Лаувайс, а вот интерьер существенно отличался. От панорамных окон отказались то ли из-за яркого солнца, то ли в угоду правящим семьям. По крайней мере, в просторной приемной окна располагались в два яруса. Затемненное стекло, холод белого камня и перегородки металлического балкона над столом секретаря.

Девушка поднялась мне навстречу, из-за белоснежной стойки, напоминающей лодку-аттракцион.

– Эсса Ладэ, пойдёмте со мной.

Пока мы шли к дверям, успела только отметить непрозрачное черное стекло. Молния била в горы, над ними парил золотой дракон: герб правящей семьи Зингсприда и города соответственно. Невольно задумалась о том, что Аррингсханы правили столько лет... не просто правили, возглавляли Совет. А спустя несколько месяцев Гердехар уйдет в отставку. Странно

представить, что на нем прервется такая сильная династия. Странно и страшно, потому что такого, как пережил он, я бы не пожелала никому.

Секретарь коснулась панели карточкой, пропуская меня, и я шагнула в просторный кабинет. Аррингсхан поднялся навстречу, и замер. Если бы не стремительная сила, столь поразившая меня в день нашей первой встречи, возможно, я бы этого не заметила. Но сейчас уловила его замешательство слишком отчетливо, пусть даже оно длилось секунды. Потом он вышел из-за стола и приблизился, возвышаясь надо мной подобно собственной башне.

– Леона, – уже почти забыла этот голос: низкий сильный, как гудящий под окнами «Шеррамель Стар» океан. – Рад вас видеть.

– Местр Аррингсхан. Взаимно.

– Прошу сюда. Здесь нам будет удобнее.

Мы прошли к стоявшему у протянувшегося во всю длину кабинета окну. Оно напоминало иллюминатор на космическом корабле из какого-нибудь фантастического блокбастера или панорамную съемку на старинном фотоаппарате: часть Зингсприда снизу и сверху срезалась. Небольшой стол, предназначенный для переговоров, и впрямь был гораздо удобнее, чем тот, что для заседаний.

Аррингсхан отодвинул для меня стул, после чего сам опустился в кресло.

– Вам очень идет этот цвет, Леона, – отметил он. – Ради чего такие перемены?

– Это для образа. – От волнения я вспотела даже несмотря на мощную систему климат-контроля, которой на мой взгляд именно здесь было чересчур. К счастью, на голосе волнение никак не отразилось, он звучал прозрачно и сильно. – Мне предложили роль в рок-опере. В контракте прописан пункт, согласно которому я должна быть в образе не только на сцене.

Аррингсхан улыбнулся, морщины у глаз обозначились четче.

– Значит, вас можно поздравить. Заслуженно. Хотите кофе? Чай?

От поздравления по сердцу разлилось тепло и снова возникло это странное чувство: он говорил со мной безо всякого превосходства. Сила, сосредоточенная в этом иртвахане, чувствовалась на каком-то подсознательном уровне, но это сила не стала для него поводом смотреть на кого бы то ни было сверху вниз. И тем более таким поводом не стала таэрран.

– Спасибо, – искренне улыбнулась. – Я только что из отеля.

И просто боюсь поперхнуться, когда начну разговор, но это детали. Утренняя встряска, читай быстрый ответ Аррингсхана, как-то отвлек от мысли, что сегодня пресс-служба Халлорана должна была объявить о нашей... в общем, о том, что мы как бы вместе. Надеюсь, что Председатель не откажется меня слушать из-за... гм, предложения.

– О чем вы хотели поговорить, Леона?

Ну вот и все. Отступить больше некуда.

– Я прошу вас стать моим наставником.

Аррингсхан чуть подался вперед. От его сцепленных рук до меня оставалось расстояние на полхвостика Марра. От рук, которые... сейчас мне почему-то отчетливо представились огненные вихри, срывающиеся с сильных пальцев. Почувствовала себя дико: сию напротив Председателя Совета и представляю, какое у него пламя. Интересно, это вообще прилично? Ну, думать о таком в мире иртваханов.

– Если не ошибаюсь, у вас уже есть наставник. Вы осознаете, о чем просите?

Наверное, сейчас как никогда отчетливо.

– Да.

– И по какой же причине вы хотите замены?

– Мне очень сложно совмещать чувства и обучение.

Короткая пауза позволила перевести дух. Пожалуй, сорвавшиеся с моих губ слова и впрямь были лучшим объяснением.

– Понимаю. Но почему вы решили, что это будет интересно мне?

– У меня сильный огонь, мейстер Аррингсхан. Во время практики в Райгенсфорде на мой зов откликнулся взрослый дракон.

– Призвать дракона, и удержать его – разные вещи, Леона. Надеюсь, вы понимаете, о чем я.

Я положила руки на стол, повторяя его позу.

– Вы знаете многих, кому удалось призвать дракона за столь короткий срок? Мне бы очень хотелось раскрыть свою магию. Почувствовать ее, научиться управлять ею, и направить в нужное русло. Когда-то я мечтала только об опере. Сейчас в моей жизни появилась новая цель. Я обратилась к вам, потому что хочу быть достойной. Дстойной пламени, которое течет в моей крови.

Под пристальным взглядом голубых глаз перехватило дыхание, на миг замерло сердце. Что-то похожее я чувствовала на юбилее: удар, порыв ураганного ветра, когда ты стоишь на носочках на краю пропасти. Возможно потому, что от его ответа сейчас зависело слишком многое. Мне кажется, я даже дышать перестала.

– Я возьмусь обучать вас.

Возьмется? Он сказал – возьмется меня обучать?!

– Но у меня есть одно условие.

Прежде чем я мысленно сочинила с десяток невыполнимых условий, Аррингсхан продолжил:

– Обещайте, что пригласите меня на премьеру.

Изумленно взглянула на него, на сердце стало тепло. Удивительно тепло: я ожидала услышать все что угодно, только не такое.

– Обещаю, – я улыбнулась. – Обещаю, и выполню обещание с радостью.

– Взаимно рад. – Аррингсхан улыбнулся в ответ, и суровые черты его лица на миг смягчились. – Рад, что ваша мечта исполнилась. Не позволяйте никому забрать ее у себя.

Замерла, по спине пробежал холодок.

– О чем вы?

– Вы станете первой иртханессой, которая покорит оперу, – произнес он. – Разумеется, для нашего общества это несколько неожиданно.

Что именно может не понравиться обществу? То, что я пою?

– Но иртханессы ведут свой бизнес, – заметила я.

У той же мейстры Халлоран свой журнал мод, а Шеррамел Трингард владеет сетью дорожных отелей. Да я больше чем уверена, что таких примеров десятки, если не сотни!

– Вы совершенно правы. Бизнес.

То есть будь я владелицей оперного театра, никто мне и слова не скажет. Но выйти на сцену – это все равно что мейстре Халлоран лично участвовать в показе мод. К слову, ничего плохого в показах мод лично я не видела, но сейчас почувствовала себя очень и очень неудобно. Навскидку в голову действительно не приходило ни одной иртханессы, которая бы пела, была актрисой или моделью. По крайней мере, с сильной кровью.

Председатель помолчал и добавил:

– Вы родились и выросли в совершенно другом мире, Леона, и вряд ли представляете, что для высших иртханов значит долг и обязательства перед семьей. Судя по тому, что мне известно с ваших слов и со слов Рэйнара Халлорана, ваш род достаточно силен. Вы сами очень сильны. Для них вы станете законной наследницей, а это налагает определенные обязательства.

Получается, моя семья может потребовать, чтобы я отказалась от сцены? Да что там, Рэйнар уже потребовал. Для полного счастья не хватает только того, кто его в этом начинании поддержит. И наверняка сделает это сразу же, как только подтвердится наше родство.

– Обязательства какого рода?

– Замужество. Наследники. Продолжение линии сильной крови.

– А вы? – посмотрела Аррингсхану в глаза. – Вы бы заставили свою дочь отказаться от того, к чему она шла всю жизнь?

Вопрос вырвался сам собой, и я прикусила язык.

– Простите. Я не хотела.

– Ничего страшного. – Председатель поднялся и протянул мне руку. – У меня нет дочери, Леона. Никогда не было, и уже не будет. Но если бы такое случилось, я бы сделал все, чтобы она была счастлива.

От прикосновения вздрогнула: таким горячим было легкое пожатие пальцев. На миг показалось, что сейчас искры полетят, но нет. Аррингсхан только поднес мою руку к губам и коснулся кончиков пальцев.

Почему для него это так важно?

Неужели из-за Шайны?!

– Условия обучения обговорим по видеосвязи. Если пожелаете, составим договор. Оставьте визитку секретарю, и я вас наберу в начале недели.

М-да...

Словно почувствовав мое замешательство, Аррингсхан посмотрел мне в глаза:

– Вы не захватили карточку?

Пришлось признаваться:

– У меня ее нет.

Председатель неожиданно улыбнулся.

– Пойдемте, Леона. Запишу ваш номер.

И хорошо. Не придется позориться перед секретарем.

Вернусь в Мэйстон – обязательно займусь делами визитными.

Мы направились к длинному столу, я продиктовала номер. В глаза бросилась фоторамка и портрет женщины с волосами теплого золотистого цвета. Заметные морщинки в уголках глаз выдавали возраст, но за счет безупречного макияжа и силы, сквозящей во взгляде голубых глаз с примесью стали (а может быть, из-за упрямо сжатых губ), сложно было сказать, сколько ей на самом деле лет.

– Кто это?

Второй раз за встречу мне захотелось прикусить себе язык.

Да что же меня так несет-то, а?

– Моя сестра, – проследив мой взгляд, произнес Председатель. – Прошу меня извинить, Леона, но через несколько минут я даю интервью для «Зингсприд лайтс».

– Да, конечно. Спасибо, что согласились меня принять, мистр Аррингсхан.

– Вы всегда можете на меня рассчитывать.

От удивительной простоты и в то же время глубины этих слов внутри что-то дернулось. Вернулось тепло, а еще уверенность в том, что все у меня получится. Не представляю, делал ли он это в память о Шайне или же нет, но вряд ли представлял себе, как много для меня значит его поддержка. Особенно сейчас.

Я шагала по коридорам на автопилоте, повторяя взглядом бесконечность плитки на полу. Во флэйсе меня окончательно накрыло сменой часовых поясов – легла я сегодня в то время, когда в Мэйстоне многие уже встают. А поздние пробуждения для меня всегда заканчивались одинаково: безуспешными попытками проснуться с помощью кофе и распевок, аккуратно до самого выхода на сцену в Ландстор-Холл.

В номер поднималась с одним-единственным желанием: быстро переодеться и пойти на пляж. Там можно будет упасть в шезлонг и благополучно проспать до вечера, то есть до момента, когда придется сообщать драконищу, что он мне больше не наставник. Будем надеяться, что я придумаю, как это проверить с минимальными потерями.

С этой мыслью провела карточкой по замку и шагнула в холл, чтобы оказаться... лицом к лицу с Халлораном.

Сложив руки на груди, ир்தхан пристально смотрел на меня.

– Нам о многом нужно поговорить, Леона.

Похоже, уже не придумаю.

– Я на пляж!

Мимо нас пролетела Танни с бутылкой воды, на ходу помахала рукой и скрылась за дверью.

Нет, это вообще нормально, а? Она что, его впустила?! Зачем?!

Я повесила сумочку и вопросительно посмотрела на него. Непривычно было видеть Рэйнара в светлых брюках и рубашке-поло. Он вообще был каким-то непривычно светлым и неофициальным. Настолько, что я с трудом заставила себя вернуть мысли в нужное русло.

– Пойдем в гостиную, – ир்தхан предложил мне руку, но я обошла его по дуге и нырнула в комнату.

Вот и верь после этого людям, то есть охранникам.

Когда отзвонились-то? Неужели пока подпирали стены в приемной Аррингсхана?

Рэйнар опустился рядом со мной на диван, но выговаривать почему-то не спешил. Просто смотрел мне в глаза. Смотрел так, что впервые за последние дни я не чувствовала себя неуютно. А как чувствовала, честно говоря, и сама понять не могла. Как-то иначе я себе представляла его реакцию на мой визит к Аррингсхану.

– Я разговаривал со врачом.

Готовая уже начать первой, осеклась.

– С нашим семейным врачом. Он тоже ир்தхан, Леона. Вчера я переслал ему результаты анализов. Ты не беременна.

Моргнула.

– Есть один маркер, на который обычный врач не обратит внимания. Показатель в крови ир்தханессы. С помощью него можно определить наверняка.

Он замолчал, а я просто не знала, что сказать. Воинственный запал иссяк, желание говорить про Аррингсхана сдулось. Сама не знаю, почему, на миг стало невыносимо пусто. Это было не похоже ни на что, даже на минуты, когда таэрран заперла мой огонь. Ни на дни, растянувшиеся в неделю, когда я сильно застудила горло и не могла петь, и когда врачи говорили, что возможно, больше уже не смогу.

Опомнилась от того, что пальцы Рэйнара коснулись моих.

– У тебя серьезный гормональный сбой. Обычно такое происходит у подростков, когда просыпается огонь. В твоём случае это усугубляется тем, что стихийная магия раскрывается стремительно, за счет пробуждения во взрослом возрасте.

– Угу, – ответила я.

Убрала пальцы от его и стала тереть ремешок на платье. Наверное, я должна была радоваться, но радоваться не получалось.

Наверное, во всем виноваты гормоны.

Да, точно они.

– Леона, посмотри на меня.

На сей раз пальцы коснулись моего подбородка, и я дернулась. Слишком отчетливо вспомнила холодный приказ и тот жест в кабинете, за мгновение до того, как магия плеснула с пальцев. В его глазах мелькнуло осознание, и от этого стало особенно дурно. Я вскочила с дивана и указала на дверь:

– Уходи!

Понимала, что еще чуть-чуть, и сорвусь на крик, поэтому глубоко вздохнула.

– Уходи, Рэйнар.

Вместо того, чтобы уйти, он поднялся и шагнул ко мне. Я отскочила, налетела на столик и больно ударилась ногой, но меня перехватили за талию и не дали упасть. Почему-то кольцо его рук стало последней каплей, я зарычала и бросилась вперед, от души залепила пощечину. Звук вышел хлестким и сильным, миг – и пальцы Халлорана сомкнулись на запястьях стальными браслетами. Дернулась назад, поздно: меня перехватили уже основательно. Перехватили, плотно пеленая объятиями.

– Леона...

– Отвали! Убирайся!

Я изогнулась и цапнула драконье плечо, прямо через рубашку. Вцепилась ногтями ему в ладони, забилась, но тщетно. Задыхалась и дергалась, пока хватало сил, глотала слезы, но он только сильнее прижимал меня к себе. Горьковато-терпкий запах его парфюма, жесткая, словно каменная, грудь и захват, из которого не вздохнуть-не вырваться.

У-у-у... драконище, скалодром чешуйчатый! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Пусти! – просипела в укушенное плечо. – Пусти! Пусти! Пусти!

– И не подумаю.

Ну разумеется!

Меня отволокли к дивану кульком, точнее, отнесли, по-прежнему прижимая к себе – по крайней мере, кончиками пальцев я чувствовала пол. Запоздало мелькнула мысль, что надо было отбиваться каблуками (не зря же с утра надевала шпильки), но после драки с драконами тифельками не машут. Оказавшись на диване, прижатая к иртехану, я вдруг поняла, что больше не хочу ничего. Ни драться, ни царапаться, ни свободы.

Зато мой желудок решил, что ничего – это крайности.

И жалобно заурчал.

– Есть хочу, – вышло тонюсенько и сипло, как вирчание новорожденного виара.

Ну и плевать. Мне можно: у меня гормоны, несвоевременный огонь, таэрран, и не будет ребенка.

– Уже? – Халлоран слегка отстранился, заглядывая мне в лицо.

Я же упорно на него не смотрела.

– Я не завтракала.

Объятия перестали напоминать борцовский захват. Отняла руки и заметила на его ладонях глубокие лунки от своих ногтей. На моем запястье отпечатался дракон Халлоранов с перстня. Точнее, голова дракона и крылья, больше на перстне не поместилось.

– Хочешь, закажем обед в номер?

– Нет.

Ничего я не хочу. Но он же не отвяжется.

– А чего ты хочешь, Леона?

В изумлении подняла на него взгляд.

Разумеется, получить солнечный удар за две минуты от флайса до дверей отеля мне не грозило, но...

– Хочу на пляж.

– Значит, пойдем обедать на пляж. Если хочешь, можем пригласить Танни.

Предположим, солнечный удар не у меня.

– Желательно, чтобы мы с ней были вдвоем.

Халлоран покачал головой. На щеке горел след от моей ладони, но в прищуре не было ни холода, ни жесткости. Да и руку ломать мне, кажется, не собирались.

Хотя обещали.

– Переодевайся, я пока распоряжусь по поводу обеда.

Он поднялся, а я посмотрела дракону вслед и последовала его примеру. По-прежнему чувствовала себя пустой и легкой, как перышко, поэтому полетела в сторону ванной. Упако-

вალაсть в купальник, сменила платье на сарафан, а босоножки – на пляжную обувь. Если так можно выразиться про два переплетающихся сверху ремешка и подошву. Нахлобучила шляпку с огромными полями и солнцезащитные очки.

Все!

Иду обедать и загорать.

А драконы пусть идут пустошью.

Обед нам накрыли в шатре, над которым растягивался экранирующий купол. Систему кондиционирования оборудовали таким образом, чтобы можно было спокойно отдыхать даже под самым палящим солнцем, как сейчас. Время уже шло к полудню, и зингспридское солнце неумолимо раскаляло все, до чего могло дотянуться. Если честно, я с трудом представляла, как днем передвигаются местные – те, у кого нет флайсов. От подземки до первой попавшейся крыши, где можно дышать, не боясь обжечься?

Впрочем, на побережье дышалось в разы легче, чем в городе, даже несмотря на влажность. Шум океана за плотно задернутым пологом убаюкивал и настраивал на какой-то совершенно неуместный миролюбивый лад. А может, дело было в том, что рядом Танни. Сестра еще до нашего прихода умудрилась взобраться с ногами в кресло, уставившись в настенную плазменную панель, где шел аналог мэйстонского шоу про невест. Она уплетала мороженое и фрукты, блюдо с которыми подтянула к себе поближе. Влажные волосы рассыпались по плечам, завивались колечками, а сама Танни выглядела посвежевшей и отчаянно довольной.

Халлоран устроился между нами, непривычно расслабленный. Рядом с иртеханом стоял только бокал с коктейлем, зато рядом со мной... Таким обедом можно было накормить голодавшего два дня вальцгарда. Или даже нескольких, судя по количеству еды, которое устроилось на столике. Салат, закуски на любой вкус, суп с запеченными гренками и специями, какое-то еще странное блюдо в вытянутой тарелке, занимающее треть стола... Подозреваю, кое-кто позаботился о том, чтобы нас не беспокоили, потому что мне даже десерт принесли заранее.

– Что это? – спросила сестра и ткнула ложечкой в сторону моего горячего.

Которое занимало треть стола, да.

К слову, его я еще попробовать не успела, поэтому за меня ответил Халлоран:

– Местная вариация рандисахт. Подается холодным.

Ладно, не горячее. Почему нельзя было заказать что-нибудь попроще?

И вообще, что такое рандисахт?

– Рандисахт? – Танни подтянула к себе стакан с соком.

– Национальное блюдо Песков, гордость Лархарры. Запеченное мясо с овощами и травой зору.

Теперь понятно, почему оно подается холодным, в Лархарре еще жарче, чем в Зингсприде. Но... холодное мясо? Я как раз закончила с супом, поэтому сейчас осторожно ткнула вилочкой во второе. Удивительно, но оно оказалось мягким и сочным: то ли за счет сладковатого соуса, который просто таял на языке, то ли его вымачивали и мариновали дня два.

– А почему оно такое большое? – не унималась Танни.

Я же поймала на себе пристальный взгляд иртехана. Настолько пристальный, что мигом показалось, будто кондиционер сломался. Подняла голову, чтобы наткнуться на знакомый прищур. Несмотря на плотную ткань шатра, солнечный свет все равно пробивался внутрь и играл бликами на запотевшем стекле. Кубики льда застыли в янтарно-золотистой жидкости.

– Потому что это блюдо, которое подается на всех собравшихся. Знак особого расположения к гостям, знак мира и приглашение разделить с ними трапезу. Уважение и обещание безопасности – в древности в Лархарре были особенно распространены яды.

Вот теперь я чуть не поперхнулась: благо, прожевать кусочек уже успела.

– О! Круто!

Танни тут же сцапала лежавшую рядом с ней вилку и нацелилась на особо крупный лист, в который шустро завернула овощи, мясо и отправила в рот:

– М-м-м-м!!! Вкусно!

Покосилась на сестру: бодро она общается с тем, кого ночью собиралась укатать в драконий навоз.

– Ты же не против, Леона? – Халлоран коснулся лежавших чуть поодаль приборов.

– Нет, – отодвинула блюдо. – Все равно я уже наелась.

Пока драконище на пару с Танни поедали рандисахт, я сбросила шлепанцы и подтянула под себя ноги. Сестра расспрашивала ирлхана про традиции древней Лархарры, ирлхан рассказывал про Пески. Про войны, гаремы и известную отравительницу на службе одного правящего, имени которой никто не знал, и которая стала причиной смерти множества политических соперников и врагов. Чем дальше, тем больше эта милая беседа раздражала. Просто я надеялась, что Танни будет на моей стороне.

Особенно после всего, что я ей рассказала.

Ладненько.

Чтобы не сболтнуть лишнего, подтянула к себе тарелочку с десертом. К нему полагался зеленый чай, который предусмотрительно подогревался заточенным в стекло огоньком. Потянулась за чайничком, но Рэйнар успел раньше: перехватил и тут же наполнил мне чашку.

Прежде чем успела поинтересоваться, по какому поводу он сегодня такой внимательный, взгляд зацепился за эмблему отеля на экране. Ролик сети «Шеррамел» шел без звука (Танни выключила его, когда мы пришли), но звук мне оказался не нужен. Хватило и увиденного: основательница общалась с гостями во время какой-то презентации. Во взгляде сталь, на губах – легкая улыбка, только глаза не улыбаются. Она что-то рассказывала журналисту, а до меня медленно доходило, что я видела эту женщину на столе Аррингсхана. В смысле, ее фотографию.

То есть, Шеррамел Трингард...

– Сестра Аррингсхана!

Я не сразу поняла, что сказала это вслух. Осторожно покосилась на ирлхана, но он остался невозмутим.

– Аррингсхана?! – переспросила Танни.

– Да, – Халлоран кивнул. – Шеррамел Трингард, в девичестве местрель Аррингсхан. Сестра Председателя Совета.

Танни присвистнула, а я снова взглянула на дракона. Спокойного настолько, что мне стало не по себе. До сих пор он ни словом, ни намеком не выдавал своего раздражения по поводу визита к Аррингсхану. Не говоря уже о том, что «Шеррамел стар» все еще стоит, а от меня не осталась горстка пепла, медленно остывающая на кресле среди подушек. Или прямо в холле номера, что вернее.

Если предположить, что Рэйнар об этом не знает...

Нет. Не может же он не знать о том, с кем я встречалась утром.

Или... может?

Мысль прервалась, когда Танни вскочила:

– Все! Я купаться, – и, прежде чем я успела ответить, направилась к выходу.

Что за...

И тут до меня дошло. Кое-кто слился, когда я пришла в номер. И кое-кто делал то же самое сейчас. Или у меня гормональная паранойя, или...

Или этот кое-кто делает все, чтобы мы остались наедине.

– Танни! – поспешно поднялась.

– Что?

– Я с тобой.

– Но...

– Пойдем, – я подхватила ее под руку и потащила за собой.

Купол ощущался как легкая пелена, шагнув из которой, сразу оказалась под палящими лучами. К шатру вели выложенные крупным камнем дорожки, на одной из таких и остановилась – достаточно далеко, чтобы нас нельзя было услышать.

– Рассказывай.

– Что? Ты о чем? – Она приподняла брови.

– О ком. Ты впустила его в номер и быстренько сбежала.

– Что, нельзя?

– Лзья! Вальнара ты оставила под дверью.

– Вальнар – тупорылый набл!

– Танни! – рыкнула. – Я просто хочу понять, что происходит! И почему моя сестра заодно с...

– Ладно! – Она сложила руки на груди. – Я все-таки к нему ходила. Мы поговорили.

– О чем?!

– Обо всем. О том, что случилось с Миком. О том, что ты сделала.

– И-и-и? – Я все еще не могла успокоиться. – Что он такого сказал, что ты встала на его сторону?

Сестра откинула со лба успешную подсохшую прядку.

– Он не знал про видео.

– Что?!

Готовая уже выдать все, что думаю по поводу перебежчиков, осеклась.

– С чего ты взяла?

– Потому что когда я сказала про это долбаное видео, – Танни наклонила голову, – он спросил, о каком видео речь. А потом стал очень, очень, очень... злой. Набла с два я кого-то видела в такой ярости, у меня волосы на голове встали дыбом, хотя я в двух метрах от него сидела. Собственно, он спросил, проснулась ли ты, и когда придешь. Я сказала, когда, а потом он попросил меня подождать в номере. Конец истории.

Спросил, проснулась ли? Теперь я чувствовала себя еще более странно, чем несколько минут назад. Зачем Халлорану спрашивать, когда я приду, если служба безопасности доложила, что отвезла меня к Аррингсхану, что я вышла и уже возвращаюсь, и дальше по тексту, если он и так все знал? Получается, не знал. Получается, не докладывали. Получается, что в тот вечер он не знал о видео, которое снял Лодингер. Получается...

Набл его знает, что получается.

– Ты со мной, или как?

– Или как. Встретимся в зоне отдыха.

Сестра хмыкнула и пошла к океану, а я решительным шагом направилась к шатру. Перед входом остановилась, чтобы сделать пару глубоких вдохов и унять бешено бьющееся сердце. После чего шагнула в прохладные объятия защитного купола.

– Передумала плавать?

Халлоран по-прежнему сидел за столом. Сидел, сцепив руки на уровне лица, и смотрел на меня поверх уголков ладоней. Я подошла и устроилась в кресле. Чай уже остыл, но я все равно потянулась за чашкой, просто чтобы чем-то занять руки.

– О чем ты хотел поговорить?

– До того, как мы подрались? – Он разомкнул замок и посмотрел на меня. – О том, что не хочу больше драться.

– И все?

– Это тезисно.

– Ты действительно не знал про видео с Танни?

– Не знал.

Я залпом глотнула чая. К счастью, он действительно остыл.

– Прогуляемся вдоль побережья? – Халлоран поднялся.

Мне жизненно необходимо было переварить то, что я узнала, поэтому кивнула.

Раскаленный песок расчертили дорожки плитки, в шезлонгах было полно отдыхающих. Зонтики раскрывались тут и там, океан, отражавший солнце, слепил глаза даже через стекла солнцезащитных очков. Но я все равно их стянула: хотела насладиться цветом нежнейшей бирюзы, сливающейся с небом. Волн почти не было, тихий шелест, с которым вода накатывала на песок и отступала, отзывался где-то в самом сердце. Краешек пены, теплой и пушистой, как в джакузи, лизнул ноги и отступил.

– Смотри туда, – Рэйнар удивительно мягко развернул меня лицом к воде. – Видишь?

Присмотрелась: ирлхтан указывал на тонкую, едва различимую линию, которая напоминала протянувшуюся по воде серебристую полосу.

– Это грань защитного купола?

– Да, – он кивнул на выстроившиеся на невысокой платформе смотровые бинокли. – Водные драконы иногда подходят достаточно близко, чтобы их рассмотреть. Чаще всего перед закатом, когда спадает жара.

Я видела водных только в сети. Красивые, мощные звери, лапы у них развиты не так сильно, как плавники, а жабры сочетаются с легкими. Крылья больше напоминают паруса, для стремительного парения над водой. Их несколько разновидностей, от вполне безобидных до хищных, чья шкура напоминает металлический панцирь с острыми шипами. Впрочем, насколько я знаю, хищники редко поднимаются с глубины. По крайней мере, так в умных школьных учебниках писали, а как оно на самом деле...

– То есть вечером я смогу их увидеть?

– Возможно.

Кожа слегка пекло: в Мэйстоне никогда не бывает так жарко, даже когда летом столбик термометра подскакивает ввысь, все равно дуют холодные ветра с Гельеры. Только что ты шла в легкой маечке, и вот уже напяливаешь на себя дутик-безрукавку. А вода в Гельере никогда не бывает настолько пронзительно-светлой и манящей.

Я стояла, вдыхая соленый воздух полной грудью, и не могла надыхаться.

– Нравится?

Кивнула.

– Поэтому я привез тебя в Зингсприд.

Внутри что-то тоненько дернулось, как надрыв в еще не затянувшейся ране. Скинула обувь и наклонилась, чтобы поднять шлепанцы, но он успел первым.

Пальцы словно током ударило, сердце забилось чаще.

Не потому, как отозвались во мне его слова. Не потому, что он сейчас был так близко, не потому, как отчаянно моя драконица стремилась к нему – дотянуться, вдохнуть, почувствовать. Просто рядом со мной снова был мужчина, с которым я падала в звездное небо, мужчина, которым я дышала, мужчина, которому пела, а падение... падение оказалось слишком болезненным. Поэтому я отдернула руку и выпрямилась. Поэтому быстро пошла вдоль полосы прибоя.

Рэйнар шел рядом со мной. Я понемногу сдвигалась в сторону океана, но Халлоран дальше не становился, из-за чего я оказалась уже по щиколотку в воде. Глянула на его туфли и подумала, что надо бы шагнуть поглубже. Интересно, что он тогда сделает? Будет разуваться, отстанет или рискнет своими идеальными летними ботинками, наполняя их соленой водичкой до краев?

– Я все исправлю, Леона.

– Что именно? – уточнила я. – Снимешь с меня таэрран?

– Нет.

– Нет? – Мне казалось, что все уже в прошлом, но сейчас... Сейчас все внутри всколыхнулось с невиданной силой, как океанская волна, взметнувшая камешки и песок. – То есть для тебя это ничего не меняет?

– Это ничего не меняет для тебя. Ты подвергла жизнь человека опасности.

Я остановилась так резко, что взметнула ногой фонтанчики брызг.

– То есть Ирргалии можно было подвергать опасности мою жизнь?! За это ее тайно выставили из города и поругали целых две минуты, когда никто не видит. А я должна ходить с клеймом преступницы?!

– Таэрран – не клеймо. Это знак того, что ты достойно принимаешь наказание за свою ошибку.

– Достойно?! – я задохнулась. – Сказала бы я тебе про достоинство...

– Ну так скажи. – Ноздри его дернулись, на миг преображая лицо, делая его хищным. – Скажи, что ты подразумеваешь под достоинством. Ты моя будущая жена, и должна отдавать себе в этом отчет.

– Ни-че-го я ни-ко-му не должна! – рыкнула. – Ты не стал меня слушать, швырнул на колени и нацепил эту дрянь. Теперь выясняется, что ты не знал. Серьезно?! Ты – и не знал?! Ты, кому докладывается каждый мой шаг?!

Он шагнул ко мне вплотную, оказавшись лицом к лицу.

– Мне не докладывают каждый твой шаг, Леона.

– Неужели?! Поэтому ты уволил Рольгена?

– Рольгена я уволил за некомпетентность. За неподчинение приказам и несоблюдение субординации. Приставленная к тебе охрана оберегает тебя, а не следит за твоими перемещениями. Ты просила меня об этом, и я с тобой согласился. Не исключаю, что в этом была моя ошибка.

– Твоя ошибка? Твоя ошибка в том, что ты даже сейчас не понимаешь, что делаешь не так. – Я сжала кулаки. – Ты обвинил меня в том, что я не пришла к тебе за помощью, но в тот вечер я пришла именно за помощью, и именно к тебе. Ты предпочел выслушать Лодингера... ты предпочел поверить ему, поверить на слово...

– Люди Норгхара беседовали с эстердой Броджек. – Лицо его стало непроницаемым, только глаза снова начинали темнеть. Даже сквозь солнцезащитное стекло я видела, как они меняют цвет. – Она ни словом не обмолвилась ни о видео, ни о том, что ты узнала о случившемся от нее. День в день.

– Чудесно! – Я подняла палец вверх. – Знаешь, с кем еще могли побеседовать люди Норгхара для полноты картины? С очнувшимся голозадым Миком. Тогда у тебя была бы исчерпывающая, а главное, достоверная информация.

– Ты сомневаешься в компетентности моих людей, Леона?

– Я сомневаюсь в их адекватности! Броджек! Рэйнар, она ненавидит Танни, а меня считает шлюхой!

– Ты мне об этом сказала, Леона?

– Что...

– Ты не рассказывала, что у твоей сестры проблемы в школе. Ни разу не говорила о том, насколько они серьезные. У всех трудных подростков бывают проблемы, но ты ни разу не говорила о взаимоотношениях эстерды Броджек и Танни. О том, что администратор школы ведет себя некомпетентно по отношению к вам.

– А ты... ты спрашивал?! – задохнулась. – Все, что я от тебя слышу, с завидной регулярностью – ты моя. Моя, моя, моя. Все, что тебя интересует, ты достаешь по своим каналам, не особо интересуясь, что это может быть мне... больно, неприятно, обидно! О чем я могу тебе

рассказать? И почему единственный раз, когда тебе действительно нужно было копнуть чуть глубже, ты этого не сделал?

– Довольно. – В темных глазах полыхнуло пламя. Так ярко, что на миг затмило даже солнце, отзываясь в сердце ударной волной.

– Нет. Не довольно, – я сложила руки на груди. Говорила быстро, сбиваясь от чувств. – Я не сказала ничего такого. Я не сделала ничего такого, чтобы ты обошелся со мной так жестоко. Ты говоришь, что исправишь все... Думаешь, это можно исправить в одиночку, Рэйнар? Я не соглашалась стать твоей. Я не выйду за тебя. Я не хочу отношений, в которых меня не слышат. Я не хочу отношений, в которых мужчина ставит меня на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.